

попаданец

Макс Мах

НЕБЕСНЫЙ КАПИТАН

Попаданец (АСТ)

Макс Мах

Небесный капитан

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мах М.

Небесный капитан / М. Мах — «Издательство АСТ»,
2018 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-110743-7

Капитан 1-го ранга Елизавета Браге снова в отставке, но нет худа без добра. Она вернулась на «Звезду Севера» и отправилась со старыми друзьями в новую экспедицию. На этот раз искатели сокровищ проникли в самое сердце таинственного континента Лемурия. Приключения Лизы в неведомых землях, путешествия между мирами и новые повороты в ее личной судьбе сделают ее жизнь еще более увлекательной. И это не считая политических интриг, в которые Елизавета оказалась вовлечена, и деятельности тайных обществ, с которой она неожиданно-негаданно столкнулась. Итак, курс на Лемурию, ход экономичный. Так держать!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110743-7

© Мах М., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Макс Мах

Небесный капитан

Часть I

Были сборы недолги...

Глава 1

В расстроенных чувствах

Июль 1932 года

Отъезд из Шлиссельбурга больше всего походил на бегство, но от кого именно она бежала, Лиза не знала и сама. От себя, наверное. Но от себя не убежишь, даже если очень захочется. Тем не менее Лиза «ударилась в бега». Ни с кем не простившись и не рассказав никому о своих планах, собрала по-быстрому дорожную сумку, загрузилась ночью в свой старенький автожир да и рванула – прямо с крыши дома на Смоленке – куда глаза глядят. А глядели они у Лизы на Новгород, так что в «обетованные европы» она улетала именно из старой столицы.

Сдала автожир на долговременное хранение, поднялась на рассвете на борт пассажирского экспресса Новгород – Свеаборг – Стокгольм и до самого Стокгольма сидела в ресторане. Почти не ела. Пила горькую. Алкоголь, однако, не брал, и сна ни в одном глазу. Зато едва сошла на шведскую землю, сразу же поняла, вот оно! Она уже, что называется, носом окуней ловила и ни о чем кроме как уснуть думать не могла. Поэтому не откладывая в долгий ящик перешла на борт стоявшего под парами грузопассажирского пакетбота, идущего в Амстердам, бросила «кости в койку» и спала всю дорогу, как малое дитя. Без снов, без утреннего похмелья, вообще без всего.

В Амстердаме проснулась. Вышла под мелкий дождь, обещавший вот-вот обернуться ливнем, и поняла, что прежняя жизнь закончилась, однако новая еще не началась.

«Чистилище!»

Ну, где-то так все и обстояло: Лиза оказалась в паузе между «тем и этим». Не в первый раз, положим, но оно и к лучшему. Опыт – «сын ошибок трудных» – подсказывал, что ничего ужасного не произошло, а поправить настроение можно множеством проверенных способов. Выбирай – не хочу!

Для начала следовало задействовать артиллерию среднего калибра: шопинг и шоколад. В запасе оставались классические – коньяк и роскошь. А еще прогулки под парусом в штормовом море... Индийский грасс... Аргентинское танго... Да мало ли что в голову придет! Можно, например, пострелять из чего-нибудь смертоубойного. Грохот, отдача и запах сгоревшего пороха хорошо поднимают тонус и бодрят не хуже купания в проруби!

«Или вот, покрутить фигуры высшего пилотажа... В грозовом небе... На спортивной машине с зашкаливающим ускорением...»

Звучало соблазнительно и работало на ура! От одного предвкушения у Лизы подскочил пульс и едва не случился оргазм. А если все это на самом деле? В смысле горячий кофе, калабрийская граппа, франкские эклеры... Или наоборот: горячая ванна, холодное шампанское и земляника со взбитыми сливками? Но если не сработает ни один из этих заточенных на борьбу с меланхолией инструментов, оставалась еще артиллерия главного калибра – разврат! Ну, разумеется, не разврат. *Разврат. Разврат!* И все с большой буквы и курсивом. А уютный такой

и знакомый по довоенному опыту «отпускной» разврат. Найти себе мальчика помоложе да покрепче телом. Их тут, к слову, должно быть много.

«Викинга какого-нибудь... Датчанина или шведа... Или все-таки для такого случая лучше присмотреть девочку?»

Девочки настроение поднимают никак не хуже. И опять же Амстердам самое то место. Здесь полным-полно крепкотелых и пышногрудых блондинок, хотя для такого случая лучше подошла бы стройная южанка. Какая-нибудь итальянка или испанка...

Под размышления о главном Лиза доехала на извозчике до отеля и не мешкая вселилась в один из двух номеров люкс, занимавших весь четвертый этаж. Отель назывался *Breitner Hause* и располагался на улице *Oosterpark*, так что из окон Лизиних апартаментов открывался вид на одноименный парк, на другой стороне которого находился комплекс зданий Тропического института, музея и оранжереи. Лиза в *Breitner Hause* никогда прежде не жила, но как-то обедала в прошлом году сразу после посещения Тропического института. Ей тогда понравилась кухня, месторасположение постоянного двора – центр, но как бы в стороне от столичного шума – и само здание. Вроде бы ничего особенного, но что-то есть. Начало прошлого века. Как бы ампир. Но ампир не себерский или франкский, а нидерландский. Не такой большой, не такой роскошный. В общем, Лизе понравилось.

«Начнем с шоколада и эклеров!» – решила Лиза, посмотрев в окно, за которым разверзлись хляби небесные. Лило как из ведра. За стеной воды даже парк было не разглядеть.

«Вот же погодка, прости господи! Словно из дома и не уезжала!»

Домом она все чаще – даже в мыслях – называла Шлиссельбург. Ленинград, как и вся ее прежняя жизнь – жизнь инженера-электрика Лизы Берг, – чем дальше, тем больше растворялся в тумане прошлого. Исчезал, стираясь, словно рисунок на песке. Уходил в сумерки забвения. Настоящим же – то есть той реальностью, в которой она теперь жила – являлась жизнь Елизаветы Браге, баронессы и кавалерственной дамы, капитана 1-го ранга в отставке.

«Дважды в отставке! – поправила себя Лиза. – От Флота и от Джейкоба... И вроде как в обоих случаях сама виновата! В смысле ушла по собственному желанию».

Она закурила, глядя на ливень за широким окном гостиной. Затянулась, выдохнула дым и решила, что такие мысли надо давить в зародыше. Тогда она сняла трубку с элегантного телефонного аппарата – красное дерево, бронза, перламутр – и вызвала буфетную. Заказала большую чашку горячего шоколада, профитроли с заварным кремом и кусок линцкого пирога с миндалем. Подумала мгновение, еще раз тяжело вздохнула, смиряясь с судьбой Елизаветы Браге, и спросила буфетчика, какие напитки он может ей предложить. Сошлись на старом арманьяке крепостью в 48 градусов.

«Сорок восемь процентов алкоголя! В самый раз! Начинаем лечить национальный себерский сплин, известный так же как русская хандра!»

Лиза съела пирожные, запивая крем и сладкий миндаль горячим шоколадом, и оказалось, что даже у капитанов 1-го ранга глюкоза, шоколад и кофеин – в больших количествах – поднимают настроение на раз, хотя и не до оптимума.

«Ничего! Лиха беда – начало!»

Лиза напустила в ванну горячей воды. Высыпала в нее полкоробки сушеных лепестков роз, капнула розового масла и залезла в воду.

«Благодать!»

Музыкальный автомат – электромеханический недоробот с хватательной рукой для смены пластинок – проигрывал «Маленькую ночную серенаду» Моцарта. Воздух пах розовыми кустами и дымом египетских сигарет с гашишем. А в руке Лиза держала хрустальный стакан для виски, но пила она из него арманьяк. И не оттого, что у нее не было подходящей посуды. Просто из стакана как-то надежнее. Особенно когда сидишь в ванне.

«Решено! Если завтра не будет дождя, пойду по магазинам. Не голой же мне по Нидерландам ходить!»

И то верно! Убегая из Шлиссельбурга – от дурной на всю голову славы и разыгрывавшегося вокруг нее политического безумия, – Лиза практически ничего с собой не захватила. Бросила в дорожную сумку смену белья или две. Брючный костюм на случай непогоды и кое-какие личные вещи. И все, собственно. Однако если у тебя есть деньги – а у Лизы их было неприлично много, – возить с собой гардероб вовсе не обязательно. Все можно купить на месте. Не в Африке, чай! Хотя и в Африке – не везде, положим, но кое-где, это уж точно, – купить можно все что угодно. Ну, разве что ассортимент будет «пожиже», да качество в большинстве случаев оставляет желать лучшего.

«Но мальчика все-таки придется завести, – поняла Лиза, просмотрев очередной «жаркий» сон с участием Джейкоба Паганеля. – Или девочку».

Лиза не знала, отчего ее пробил пот. От спиртного, горячей воды или рукоблудства, как называл это невинное занятие старшина курса Ульянов. Но если под рукой нет ни мальчика, ни девочки, да еще любовь всей твоей жизни растаяла, блин, как утренний туман, некоторые телодвижения как минимум снимают хандру. А этого, собственно, Лиза и добивалась.

* * *

Несмотря на хмурое небо и мелкий надоедливый дождь, пребывание в Амстердаме явно пошло Лизе на пользу. Оказалось, что она не ошиблась, предположив, что походы по магазинам, лавкам и бутикам поднимут ей настроение. Все-таки нынешняя Лиза являлась капитаном Браге лишь отчасти. Хотя и Елизаветой Берг, скорее всего, быть перестала тоже. Однако страсть к покупкам, как к лучшему отдыху, принадлежала все-таки той еще, советской Лизе.

Итак, к вечеру третьего дня Лиза с успехом выполнила программу минимум. Она ото-спалась, расслабилась под коньячок и горячий шоколад и принарядилась, накупив белья, верхней одежды и аксессуаров никак не меньше чем на три дорожных кофра, да и пара портпледов лишними, скорее всего, не окажутся. Между тем «шопинг и шоколад» медленно, но верно делали свое дело. Еще не победа, но положение, как говорил когда-то кавторанг Гаврилов, внушает робкий оптимизм. Впрочем, «действия главных сил» планировались на завтра: примерка в портновской мастерской на Кейзерграхт, магазин одежды и аксессуаров для военных и путешественников на набережной Амстеля недалеко от Маргери Грахт, и оружейная лавка в трех минутах ходьбы от Лизиного отеля. С нее Лиза и начала и, как вскоре выяснилось, в выборе не ошиблась.

– А не тяжеловата будет?

Вопрос не праздный. Этот двустольный штуцер, сработанный в Цюрихе под франкский патрон 9,374, и в самом деле был тяжеловат. Тем не менее Лиза его удержать могла. Пробовала в Африке.

– Вообще-то да! – призналась она, оборачиваясь. – На пределе. Но я из подобного штуцера уже стреляла. В Африке.

– Охотились в Африке? – собеседница Лизы точь-в-точь соответствовала нынешней европейской моде на девушек, стриженных и одетых «под мальчика». Невысокая – она едва доставала Лизе до плеча, да и то на каблуках, – черноволосая и синеглазая. Стройная. В брючном костюме и «мужской» белой сорочке, расстегнутой до третьей пуговицы от стоячего воротника и в расстегнутом снизу доверху кардигане тонкой вязки.

– Да, охотилась, – кивнула Лиза. – В горах Атласа на львов.

– Завидую! – вздохнула женщина. – А я нигде почти не была, ни в Африке, ни в Индии, ни в Сибирском ханстве.

– Можно? – кивнула она на ружье.

– Разумеется, – и Лиза передала женщине штуцер. В тонких руках брюнетки он казался даже больше, чем был на самом деле.

– Действительно, тяжелый! И отдача, наверное, будь здоров!

Говорили они по-немецки, – как и продавцы в магазине, – и на слух Лизы язык этот являлся для женщины родным. Вот только диалект был какой-то незнакомый. Впрочем, в Германских государствах таких диалектов десятки. Все не сосчитать.

– А вы что покупаете? – Вопрос вежливости, не больше, но слово за слово, и разговор легко перешел с «курного» кольта *Detective Special* под мощный девятимиллиметровый патрон Смит-и-Вессон, к которому, собственно, и примеривалась женщина, на револьверы вообще. А там уже сам собой всплыл вопрос, что лучше, пистолет или револьвер? Штуцер или карабин? И прочее, и прочее, в том же духе. В результате познакомились.

Нина Аллен оказалась американкой из Филадельфии, но немецкий действительно знала как родной, рассказав Лизе по этому случаю историю пенсильванских немцев. Ну, а что касается Лизы... О том, кто она такая, Нина, к счастью, даже не догадывалась. Так что просто Лиза. Лиза Браге из Себерии.

– В такой ситуации главное – правильно дышать! – Лиза вспомнила ночную охоту на леопарда и решила, что рассказ про пулеметчика сейчас неуместен. Если уж рассказывать, то только про зверей. Про калибры. Дальность прицельной стрельбы и отдачу. Про звуки, запахи и ощущения африканской ночи. – Мягкий вдох, плавный выдох. Понимаешь?

Дело шло к полудню. Они с Ниной уже перешли на «ты» и пили чай в кондитерской над Амстелем. За окном снова сеялся мелкий унылый дождь. Лето. Июль. Амстердам.

«Родные осины, можно сказать», – мысленно вздохнула Лиза и продолжила рассказ:

– Было тихо... Ну, то есть не совсем. Ты же понимаешь, Нина, это не пустыня, а лес у реки. Впрочем, ночью в пустыне тоже не соскучишься. Начинает остывать земля...

– Да, да! – закивала Нина. – Я читала, земля трещит!

– Камни трескаются, – согласилась Лиза.

Нина ей понравилась. Симпатичная молодая женщина, неглупая и с характером. Под мальчика не только одета, сама больше мальчик, чем девочка. Но не в смысле, грубости черт или нескладности движений, а скорее повадками, грубоватой непосредственностью, чисто мальчишечьим ходом мысли. Уж ей ли не знать, сама среди пацанов росла. Но с другой стороны, одевается Нина со вкусом, косметики на лице хоть и немного, но она есть, речь культурная, и, судя по поведению, не на улице росла.

– Потом в лесу на склоне горы заверещали шакалы! Знаешь, очень похоже на людей.

– На людей? – удивилась Нина.

– Что, никогда не видела, как взрослый бандит распугивает мелкую шпану?

– Нет.

– Тогда представь! Их несколько, и у них даже ножи есть, а он один, но большой, безжалостный и хорошо, если не со стволом. Они ему, разумеется, уступают, но гонор не задушишь! Шипят, матерятся, верещат, но все равно вынуждены отступить.

– А ты где?.. – пожившись, спросила Нина. – Ну, то есть ты сама такое видела?

Лиза видела. Вернее, видела Елизавета Браге, когда в бытность мичманом обошла вместе с другими юными офицерами все притоны Ниена, Юрьева и Пскова. Но не будешь же рассказывать обо всем этом неаппетитном свинстве девушке, воспитанной в «лучших домах Филадельфии»? А о том, что Нина происходит как раз из *таких* домов, Лиза уже не сомневалась. Такое не скрыть.

– Видеть не видела, но друзья рассказывали... – И она продолжила свой рассказ о ночной охоте в горах Атласа.

Ну, что сказать? Рассказ удался. Нина слушала, что называется, раскрыв рот. А Лизу несло, и всех дел было следить, чтоб не сболтнуть лишнего. Не то чтобы это был секрет, но

вся прелесть остановки в Амстердаме заключалась в том, что здесь ее никто не знал. Одинокaя белая женщина... небедная... самодостаточная... И кому какое дело, чем она занималась месяц или два назад. Ее прошлое сейчас принадлежало ей одной, и было бы глупостью утратить эту свою приватность из-за нелепой оговорки. А отдых в Амстердаме начинал Лизе нравиться. Вот даже компаньонку себе, кажется, нашла. Будет с кем сходить в оперу, съездить в Брюгге к Мари Нольф или к полковнику Штоберлю в Гейдельберг. Лиза ведь никуда не торопится. Райт ждет ее в Роттердаме лишь в начале сентября, а Нина – по ее словам – путешествует по Европе «в образовательных целях», и ей совершенно все равно, куда направить стопы. Лишь бы не одной.

За разговорами Лиза едва не пропустила примерку, однако тащить новую знакомую с собой в ателье поостереглась. Она ведь не вечернее платье заказала – хотя и этим стоило бы озаботиться, – а «знаменитый» костюм шеф-пилота Браге. «Мундир» гражданского капитана шился сразу в нескольких вариантах: брюки-галифе из темно-синего и бутылочного цвета габардина с завышенной линией талии, едва ли не под грудь, – и несколько кителей на все случаи жизни. Темных и светлых, глухих со стоячим воротничком и пуговицами до горла и открытых – для ношения с белой рубашкой и галстуком. А кроме того, в соседних с ателье мастерских изготавливались на заказ три плоские пилотские фуражки, несколько пар высоких сапог с декоративной шнуровкой – на плоской подошве и на высоких, хотя и без фанатизма, каблуках. Не забыла Лиза и про «обычные» удобные для ходьбы по пересеченной местности ботинки и кожаные краги к ним с металлическими застежками.

Так что, нет – не все сразу. Договорились встретиться за обедом в ресторане на Новом рынке и разбежались, каждая по своим делам. Правда, Лиза успела только на примерки, на все остальное уже не оставалось времени. Однако расстраиваться по этому поводу не стала: покупка снаряжения не относилась к первоочередным делам. Закупить фляги, ножи и прочее все можно будет и завтра. А сегодня Лиза купила себе полутораметровую нитку розового цейлонского жемчуга, и это – как и следовало ожидать – подняло ей настроение не хуже коньяка.

«А жизнь-то налаживается! – усмехнулась Лиза, стоя перед зеркалом в ювелирной лавке и наматывая жемчужное ожерелье себе на шею. – Купить что ли еще и бриллиантовые сережки?..»

* * *

Вечером позвонила Наде. Нервы нервами, но надо и честь знать.

– Привет! – сказала в трубку, испытывая неловкость за очередной том своих художеств.

– Вот даже не знаю, – ответила Надежда из далекого Шлиссельбурга, – послать тебя куда подальше или просто трубку положить...

– Твое право! – признала Лиза. – Но повинную голову не секут, разве нет?

– Это кто тебе сказал? – хмыкнула на том конце провода Надежда. – Иногда повинную как раз и рубят, потому что до неповинной хрен дотянешься!

– Да ладно тебе! – Лиза поняла, что скандала не будет, и несколько успокоилась. – Ты что, первый день меня знаешь?

– В том-то и дело, что не первый. Удивляюсь, подруга, что ты половину Шлиссельбурга не спалила! Мы с Клавой, грешным делом, опасались!

– Значит, простишь?

– А что с тобой делать? Ты, вообще, где сейчас?

– Я в Амстердаме.

– Вот даже как! И с чего бы это?

– В Стокгольме спать очень захотела...

– Не поняла?!

– Села на первый попавшийся борт, – нехотя объяснила Лиза, – лишь бы койка была...

– То есть в орлянку сыграли, господин капитан?

– Вроде того, – окончательно смутилась Лиза, осознав задним числом, что вела себя не как взрослая женщина, офицер и командир, а как импульсивная девушка-подросток, у которой вместо мозгов вата, одобренная гормонами.

– А мы с Клавой решили, что ты к Райту подалась. Телефонировали ему. А он, оказывается, тоже в неведении. Так что теперь еще и он волнуется. Умеешь ты, девка, всех на уши поставить!

– Кого это всех? – возмутилась Лиза. – Ты, Клава и Райт – это всего три человека. А три это еще не все!

– Ах, ну да! Я же не огласила весь список! – в голосе Нади звучала не ирония, скорее, раздражение. – Полина, это раз. Братец твой паскудный, это два. Или их за один номер считать?

– Я позвоню Полине, – Лиза уже раскаивалась, что не связалась с Надей и Полиной в день приезда, но что сделано, то сделано. Вернее, не сделано.

– Да уж, Лизонька, постарайся! Позвони, пожалуйста!

– Кто еще?

– Еще Рошин.

– Вот черт!

– Вижу, ты девушка, так и не научилась просчитывать последствия своих безумств! – вздохнула Надя. – Ну, в самом деле! Что, так трудно было телефонировать? Не в Африке, чай! Ну, хоть телеграмму бы отправила, что ли! Все спокойнее на душе стало бы!

– Извини!

– Бог простит!

– Ну, хватит уже! – подняла голос Лиза. – Я повинилась, разве нет? Принесла... осознала... раскаялась... преклонила... Я что-нибудь пропустила?

– Покаяние! – хохотнула Надежда, которую, по всей видимости, наконец-то отпустило.

– Я каюсь и угрызаюсь! – улыбнулась Лиза, довольная, что легко отделалась. – Как твоя нога?

– Пока не до танцев, но к осеннему балу буду как новенькая.

– А мы осенью уйдем в Лемурию.

– Я в курсе, – вздохнула Надя. – Может быть, мы к тебе подъедем, а?

– Отличная идея! Когда? Куда? – обрадовалась Лиза.

Если не в Шлиссельбурге под блицами фотовспышек, то самое то. Общение с Надей и Клавой никогда не было ей в тягость. Даже тогда, когда роман с Паганелем едва не свел ее с ума. Тем более теперь, когда Паганель исчез в лондонских туманах.

«Надо бы с ним поговорить... по телефону, – подумала с раскаянием. – В конце концов, это я его бросила, а не он меня!»

– Дай подумать! – размышляла между тем Надежда. – Сейчас не могу я, – заказов невпорот, – а на следующей неделе Клава поет в Новгороде, потом в Ниене... О! Знаю! Тридцатого у Клавы концерт в Зальцбурге. Давай тогда где-нибудь в северной Италии. Как смотришь?

– Первого августа в Виченце? – предложила Лиза.

– Отель «Амбассадор», – уточнила дислокацию Надя.

– Принято!

– Но ты, Лиза, будь добра, больше не пропадай!

– Честное офицерское!

– Ты еще честью поклянешься! – снова хохотнула Надежда.

– Если девичьей, то поздно вспомнила, а если офицерской, так я тебе только что честное офицерское дала. Чего тебе еще?

– Еще... Чуть не забыла! – воскликнула вдруг Надя. – Просто в голову не пришло. Тут тебя презент дожидается...

– Какой презент? От кого? – заинтересовалась Лиза, почувствовав, что не все с этим презентом так просто, как слышится.

– Презент со смыслом, – чувствовалось, что Надежда подбирает слова, и это было более чем странно. – В общем, не телефонный разговор.

– Ну, хоть что-то же ты можешь мне сказать? – настаивала Лиза.

– Понимаешь, Лизонька, что ни скажу, все лишнее будет, – туманно объяснила Надежда. – Давай сделаем так. Разреши дать твоему новому поклоннику телефон постоянного двора, где ты остановилась, и подожди в Амстердаме пару дней. В смысле не уезжай. Думаю, пары дней ему должно хватить. Ну, пусть будет с запасом. Три дня. Мы договорились?

– То есть ты мне *настоятельно рекомендуешь* этот презент принять?

– Не пожалеешь!

– Ладно тогда! – согласилась Лиза. – Можешь дать ему мой телефон в отеле. Записывай...

Она продиктовала номер телефона и название постоянного двора, передала привет всем, всем, всем и поцелуи Клаве, затем положила трубку на рычажки.

«Что бы это могло быть? И от кого?»

На самом деле, это могло быть что угодно, и кто угодно мог быть тем, кто это что-то ей презентовал. Бриллианты от влюбившегося аристократа? Искупительная жертва от кого-нибудь из прикосновенных к делу адмиралов? Документ... Патент, скажем, или грамота на владение, или еще что. Дарителем ведь мог оказаться не отдельный человек из плоти и крови, а какое-нибудь учреждение.

«Адмиралтейство? Министерство? Чья-нибудь канцелярия? Контрразведка, лопухнувшаяся с ее то ли мнимым, то ли реальным похищением, ЦК партии? Но тогда какой партии? И что они мне могут презентовать?»

История более чем странная, но если Надя рекомендует принять, то отчего бы и не принять. А уезжать из Амстердама в ближайшие дни Лиза все равно не планировала. Она только-только начала входить во вкус. Да еще и подружку завела, что есть гуд, поскольку от одиночества все беды, а на миру, как говорится, и смерть красна!

* * *

Правду сказать, знакомство с Ниной оказалось для Лизы большой удачей. Рядом с этой неглупой, независимой и невероятно раскованной маленькой женщиной она снова начала улыбаться, и не приличия ради – потому что так положено, – а потому что хочется. И смеялась, когда было смешно. И грустила не от того, что вспомнила рубку авиамамки, – и не из-за Паганеля, которого ей иногда отчаянно не хватало, особенно ночью, – а потому что услышала мелодию в тональности ре минор или посмотрела «душешщипательную» франкскую фильму.

Между тем в Амстердаме установилась хорошая погода. Днем иногда бывало даже жарко, и тогда они с Ниной садились на траву где-нибудь в городском сквере, пили пиво и разговаривали обо всем и ни о чем. Разумеется, публичное распитие пива дамами – да к тому же прямо «из горла» – в известной степени шокировало консервативных голландцев, но в том-то и заключалась вся прелесть нидерландского менталитета, что приставать к дамам с поучениями никто из них и не подумал. В отличие от себерцев, здесь ограничивались укоризненными взглядами и прочей нелицеприятной мимикой, которая Лизу не задевала. Совсем.

Так прошло несколько дней – магазины, прогулки, обеды с икрой и шампанским, театр, казино, варьете, – пока Лиза не сообразила вдруг, что Нина общается с ней на особый манер. Иначе говоря, Лиза наконец-то поняла, что новая знакомая ее попросту клеит. То есть ухаживает.

вает за Лизой, как парень за девушкой, ненавязчиво подводя отношения к тому, что у флотских без затей называется «койкой».

Казалось бы, ну и что? Лиза и сама не далее как несколько дней назад размышляла о том, что неплохо бы завести себе мальчика или девочку и расслабиться на полную катушку. Но одно дело думать, а совсем другое – исполнять. Девушки как вариант, на самом деле, Лизой не рассматривались, однако именно женщина вела сейчас в их «аргентинском танго». И не то чтобы грубо или прямолинейно. Напротив, уверенно, но ненавязчиво, с уважением к партнеру, хотя и однозначно.

– Нина, – осторожно начала Лиза вечером пятого дня знакомства, когда они возвращались из оперы, – скажи, это ведь то, о чем я думаю?

В принципе, Нина могла отшутиться. Самое простое – спросить, а о чем ты думаешь? В этом случае Лиза вряд ли озвучила бы свои подозрения. Но женщина пошла на обострение.

– Вообще-то да, – Нина смотрела ей прямо в глаза. Снизу вверх, но только потому, что ниже ростом. Без смущения, но с чувством.

– Понимаешь... – попыталась объяснить Лиза, у которой в прошлом имелся уже не слишком богатый, хотя и удачный в целом опыт такого рода. – Понимаешь...

– Понимаю, – улыбнулась Нина. – Но почему бы не попробовать? У тебя есть кто-нибудь?

– Был, – нехотя призналась Лиза.

– Ушел?

– Выгнала.

– Меня тоже прогонишь?

«Прогнать?»

Но прогонять не хотелось. Хотелось спустить пар, и было абсолютно непонятно, с чего вдруг такая нерешительность! С Полиной – женой Григория – получилось ведь совсем неплохо. Даже по сравнению с Лизиным бывшим мужем Петром, а Лиза тогда умудрилась за одну ночь переспать с обоими. И хотя бесспорно, мужчины нравились ей в этом смысле больше, чем женщины, в такого рода отношениях – пусть и осуждаемых обществом и церковью – имелись свои приятные моменты. Как без них!

Раздумывая, что ответить, Лиза вспомнила, что на самом деле одной Полиной ее опыт не ограничивается. Надежда и Клавдия тоже пару раз вовлекли ее в любовь «де труа». На пьяную голову, допустим, и с близкими подругами. Но из песни слов не выкинешь, не правда ли?

– Не прогоню, – сказала она вслух. – Но давай не будем торопить события! И к слову, это не потому что ты женщина. Была бы ты мужчиной, я бы сказала то же самое.

Маленькая ложь для большего блага. Ложь во спасение, так сказать, и ничего больше.

– Идет! – рассмеялась Нина. – Я тебя, Лиза, не смогла бы «принудить» к близости, даже если бы очень захотела. Ты крупнее, и силы у тебя – уж прости, – как у хорошего мужика.

– Это мы еще с тобой не дрались! – улыбнулась Лиза, ничуть не обидевшаяся на двусмысленный комплимент. – И дай бог, не придется! Дерусь я точно как мужик!

– Откуда такие умения? – удивилась Нина, и не зря.

Косить под мальчика – это одно, а ни в чем не уступать парням – совсем другое. Лиза, например, не носила при Нине брюки-галифе. Ей в ее нынешних обстоятельствах даже нравилось ходить в платьях. И поведение ее во все эти дни было скорее женским, чем наоборот. Единственное исключение, о котором знала Нина, – оружие. Но страсть к охоте никак из образа светской дамы не выпадает. В Европе, как и в Себерии, у многих дам *из общества* имеется охотничий опыт. Иногда отнюдь не малый. Охота – пусть и оригинальное, но вполне приемлемое времяпрепровождение. Другое дело – кулачный бой или не успевшие войти в этом мире в моду восточные единоборства. Эти виды спорта женскими еще не стали. Даже суфражистки и прочие эмансипе до такого ужаса пока не додумались.

– Я, Нина, росла среди мужчин, – пожала плечами Лиза. – Брат у меня есть, сводный. Или как там это называется? Тот еще отморозок, между нами! Так что я, Нина, все детство проходила в синяках, но зато умею теперь за себя постоять.

История так себе. Но не придумывать же для легких вакационных отношений – даже если это настоящий отпускной роман – полномасштабную, непротиворечивую и детализированную «по самое не могу» легенду?

– Знаешь что, – сказала мгновение спустя, резко ломая линию беседы, – поехали завтра в Брюгге! Как смотришь?

– В Брюгге?

– Есть возражения?

– А почему именно в Брюгге? – недоуменно посмотрела на Лизу новая знакомая.

Рассказывать об истинной причине поездки в Брюгге явно не стоило. Однако пришлось время переговорить приватно с ученой девушкой – Мари Нольф.

– А почему нет?

– Полетим? – а вот это уже вопрос по существу.

– Зачем? – усмехнулась Лиза, уже предвкушая немеренные удовольствия, которые обещала ей эта деловая в своей основе поездка. – Я хочу взять в аренду какой-нибудь локомотив, большой, надежный и со всеми удобствами. Спешить-то нам некуда, или у тебя другие планы?

– Да нет, – улыбнулась Нина. – С чего вдруг?

– Если ехать через Утрехт, – добавила она, немного подумав, – Бреду и Антверпен, то можно заскочить еще и в Гент. Но там никак не меньше двухсот миль...

«А карту ты держишь в уме так, на всякий случай?»

– Я никуда не спешу, – повторила Лиза. – Посмотрим Утрехт, заночуем в Антверпене. Как думаешь?

– Думаю, может неплохо получится. Я, к слову, этот маршрут уже рассматривала, когда думала, куда отправиться после Амстердама. Там должно быть красиво, во Фландрии, и визы не нужны: у них с Нидерландами договор...

«Ну, извини, милая! – мысленно покаялась Лиза. – Я уже во всех вижу шпионов и заговорщиков!»

– Значит, решено! – сказала она вслух и только теперь вспомнила, что уехать из Амстердама не может, так как ждет звонка от мистера Икс. – Ох, нет!

– Что такое? – встревожилась Нина.

– Да, ерунда, – отмахнулась Лиза. – Но ты уж извини, уехать завтра не получится. Я совсем забыла, что жду посылку.

– Посылку?

– Ну да! Должны передать с оказией, – объяснила Лиза. – Но это всего день или два, – успокоила она новую подругу. – А потом я свободна как ветер.

На том и сошлись, договорившись, что на следующий день наймут катер и поедут кататься по Шельде и каналам.

– Устроим пикник на воде! – предложила, прощаясь, Нина.

– Отличная идея! – поддержала подругу Лиза и велела извозчику ехать в отель.

Однако человек предполагает, а располагает только Бог. В семь часов утра, когда светские дамы все еще сладко спят «после вчерашнего», в апартаментах Лизы раздался телефонный звонок.

– Браге у телефона! – ответила Лиза, прервав упражнения на растяжку.

Звонили с коммутатора. Кто-то – вероятно, ночной портье – вежливо извинился, что «взял на себя смелость побеспокоить госпожу Браге в столь ранний час». Однако абонент, связавшийся с отелем, настоятельно просил соединить его с постоялицей, обещая, что госпожа Браге гневаться не станет.

«Витиевато, но, с другой стороны, он же не знает, что я с шести утра на ногах».

– Все в порядке, – успокоила она портье. – Соединяйте!

Звонил незнакомый Лизе мужчина. Во всяком случае, по голосу она его не узнала.

– Доброе утро, Елизавета Аркадиевна! Ваш телефон мне дала Надежда Федоровна.

– Я в курсе.

– Тогда лучше всего, если мы встретимся в десять часов утра на аэрополе Скипхол. Успее?

– У вас есть имя? – вопросом на вопрос ответила Лиза.

– Да, разумеется! Извините, что не представился, – мужчина не смутился, но, по-видимому, счел требование Лизы уместным. – Называйте меня Егором Петровичем. Егор Петрович Иванов, к вашим услугам, сударыня!

– Я успею к десяти, Егор Петрович. Даже не запыхаюсь. Где именно мы встретимся?

– В ангаре товарищества «Самолет».

– Что ж, до встречи!

«Интересно, с чего вдруг он решил, что должен конспирироваться? Женат? Опасается политических осложнений?»

Что ж, ждать осталось недолго. Скоро она все узнает из первых рук.

Лиза приняла душ, оделась неброско, но с достоинством, сунула в карман жакета снаряженный браунинг М1906 – исключительно на всякий случай – и покинула апартаменты. По дороге она оставила портье распоряжение связаться в девять утра с отелем «Камелия» и передать госпоже Аллен, что госпожа Браге задерживается, и встреча соответственно переносится на 13.00. После этого Лиза лишь заскочила в кафе, выпила стакан молока с горячим круассаном, запила чашкой крепкого кофе и еще через пять минут ехала уже на извозчике в сторону аэрополя.

В ангар товарищества «Самолет» она вошла, что называется, с боем часов.

– Здравствуйте, Елизавета Аркадиевна! – мужчина встретил ее у самой двери.

Обычная дверь, врезанная в высокие и широкие ворота ангара. Неприметный господин в чесучовом костюме, белой рубашке апаш и светлой – под цвет костюма – шляпе-панаме.

– Здравствуйте, Егор Петрович! Итак?

– Прежде всего, сам презент, – мужчина не стал разводить политесы и сразу перешел к делу. – Идемте!

Они прошли в глубину слабо освещенного ангара. Свет сюда проникал только сквозь редкую цепочку небольших окон под самой крышей. Но царивший в ангаре сумрак казался плотным лишь при взгляде издали. Вблизи предметы и люди становились видны в достаточной степени, чтобы не ошибиться в их опознании. Ну, Лиза и не ошиблась. У боковой стены справа стоял приличных размеров деревянный ящик с весьма специфической маркировкой, настолько хорошо знакомой Лизе, что она даже, не вникая в подробности, сразу опознала в нем контейнер для перевозки штурмовиков.

«Штурмовик? Серьезно?!»

Иванов щелкнул пальцами, и появившиеся откуда-то сбоку рабочие споро освободили крепления и откинули переднюю стенку контейнера. Как и предполагала Лиза, там, закрепленный растяжками, стоял штурмовик. Если быть точным, учебно-боевой коч-спарка.

– Двенадцатая серия, – пояснил Егор Петрович. – В массовое производство эта модель не пошла. Слишком сложная в производстве и, следовательно, дорогая. Так что ручная сборка и все прочее в этом роде. Гражданский вариант класса люкс. Скорость свыше четырехсот километров в час, потолок – пять. Двухместный, с багажным отделением и увеличенной дальностью хода. Мощная радиостанция, навигационные приборы... Гражданский, как я уже сказал, скорее даже спортивный, но две оружейных ниши под 22-мм автоматы все-таки оставлены. Пушки в разобранном виде перевозятся отдельно, – легкий кивок на еще один, меньших раз-

меров, ящик. Разрешения, права владения – все здесь, – протянул он Лизе довольно толстый конверт размером в половину писчего листа. – Вот, собственно, и все.

– То есть это и есть презент? – удивить Лизу было не просто, но мистеру Икс это удалось.

– Именно так, – кивнул Иванов.

– Мне? – чуть прищурилась Лиза, хотя ответ был очевиден.

– Вам.

– Не слишком ли дорогой подарок?

– Мы полагаем, в самый раз.

– Кто эти «мы»? – повернулась Лиза к Егору Петровичу.

– Скажем так, – чуть улыбнулся Иванов, – группа патриотически настроенных предпринимателей.

– Анонимных? – уточнила Лиза.

– Отчего же! – пожал плечами собеседник. – Речь идет о господине Кокореве, чьим служащим, к слову, я и являюсь, а также о господах Рубинштейне, Иваницком и Бакланове. Я действую от их лица.

«Да, господа, умеете вы удивить девушку!»

За четырьмя названными Ивановым именами стояла значительная часть военно-промышленного комплекса Себерии. Вернее, они этот комплекс и олицетворяли. «Машиностроительные заводы Кокорева» выпускали локомобили широкого спектра назначения, паровые турбины, штурмовики и бронеходы, паровозы и черт знает что еще. Товарищество «Самолет», во главе которого стоял Давид Рубинштейн, строило воздушные и морские суда, паровые машины различного назначения и выпускало автомобили с двигателями внутреннего сгорания, винтокрылы и вертолеты, а также зенитную артиллерию и стрелковое оружие. «Мотор» Игнатия Иваницкого занимался тем же самым, но также выпускал крупнокалиберную артиллерию и металлоконструкции, необходимые для строительства мостов и высотных зданий. И, наконец, Василий Бакланов. Его диверсифицированная империя включала в себя банки и страховые общества, газеты и верфи, на которых строились тяжелые крейсера и авиаматки, сталелитейные заводы, электростанции и множество других не менее важных, но главное, доходных производств.

– Сюрприз удался! – признала Лиза. – Но почему именно через госпожу Вербицкую?

– Младшая дочь Василия Константиновича выходит замуж, а подвенечное платье для нее шьет Надежда Федоровна, – прояснил ситуацию Иванов. – Обычно на примерки с дочерью ездит Ангелина Павловна, но один раз заехал и господин Поливанов.

– Понимаю, – кивнула Лиза. – Презент... Ну, что сказать? Подарок оригинальный и дорогого стоит. Теперь скажите, в чем посыл?

– В англичанах.

– Извините? – нахмурилась Лиза, не сразу ухватив общую идею.

– Себерская промышленная элита, Елизавета Аркадиевна, очарована вами, как женщиной и авиатором, и крайне высоко оценивает ваши способности. Адмирал Браге, сенатор Браге, член совета директоров Браге... Нас устроит любое развитие событий, любой ваш выбор. Лишь бы против англичан!

– Конкуренты? – поняла Лиза.

– Не то слово, Елизавета Аркадиевна! Но вас мы уважаем не только за это...

«Ну да, разумеется! Хотя...»

– Егор Иванович, строго между нами, – Лиза смотрела собеседнику прямо в глаза, не желая упустить ни одного даже самого незначительного намека на правду, – скажите, имеют ли *господа патриотически настроенные промышленники* какое-либо отношение к событиям в ресторации «Ветер с моря» на Якорной набережной в Шлиссельбурге?

– Все в мире взаимосвязано, – уклончиво ответил посланец и аккуратно указал глазами на штурмовик.

«Компенсация? Извинение за причиненные неудобства?»

Любопытное развитие событий. Но тогда возникал вопрос, кто вообще не участвовал в том фарсе, который едва не стоил Лизе жизни? На данный момент Лиза предполагала участие двух игроков: лорда Диспенсера, при той или иной степени вовлеченности английской секретной службы и разведки Флота, у которой могли быть в этом деле свои интересы, весьма далекие от официально заявленных. Однако теперь, когда ей прямо указали на еще одного интересанта, картина произошедшего затуманилась окончательно.

«Черт ногу сломит, каких буераков нагородили!»

Лиза отвернулась от Егора Ивановича и подошла ближе к своей новой игрушке. На фюзеляже штурмовика, собранном из клепаных листов алюминия, была изображена руна *Urr*, что в Себерии, как, впрочем, и в Швеции, означало «зубр».

«Хм, *Urr*? Серьезно? Это я, что ли, Урр? Надо же, как интересно! Быком меня еще никто не обзывал...»

Впрочем, рядом с серебряной руной кармином было выведено название машины: «Лиза». Глаголицей.

– Замысловатая символика, не находите? – поинтересовалась Лиза.

– Напоминание о ваших корнях, баронесса, – галантно объяснил Иванов.

– Намек поняла, – усмехнулась в ответ Лиза, – но почему именно зубр?

– Зубр – руна силы, причем не только физической, но и духовной.

– Что ж, – усмехнулась Лиза, – послание дошло. Передайте господам патриотически настроенным заводчикам мою искреннюю благодарность. А об остальном я подумаю... несколько позже.

Глава 2

Лучший способ борьбы со сплином

Июль-август 1932 года

Из Гента выехали в вечерних сумерках, но полста километров до Брюгге проскочили за каких-то полчаса. Что называется, проехали с ветерком, тем более что дорога отличная, и взятый напрокат «Майбах» – хотя ни разу не «Кокорев» – оказался совсем неплох. Въехали в город по девятому шоссе, еще минут десять покрутили по узким улицам старого Брюгге – Лиза рулила, Нина читала карту – и достаточно уверенно выбрали к отелю «Поларис Альфа», расположенному почти в самом центре города, на улице Бриделстраат как раз между площадями Гроде Маркт и Бург. Вселились в смежные номера на втором этаже – не люкс, к сожалению, но весьма близко к эталону, – переоделись и отправились ужинать.

Столик в ресторане «Кафе де Арт», как и апартаменты на постоялом дворе, был заказан заранее, еще из Гента, и оно того стоило. В вечерние часы попасть в пользующееся популярностью заведение было совсем непросто. И надо сказать, свою репутацию этот франкский ресторан подтвердил без труда. Буйабес¹ – по словам Нины, бывавшей прежде в Марселе – был безукоризненно аутентичный, а угорь по-нидерландски в зеленом соусе с травами, который, увы, ела одна Лиза, – поскольку в Нину уже «не влезало», – оказался даже лучше, чем в Ниене, а уж там готовить угря умели и любили. Не стоит упоминать также о том, что под разговоры и рыбку женщины с легкостью приговорили бутылку отличного шабли «Гран Крю» из Валь-мюра. Для Лизы это было в самый раз, у нее только настроение поднялось, да стало чуточку жарче, чем должно было быть. А вот Нина «поплыла». Ничего экстремального, разумеется, но то, как легла ее рука на Лизино колено, не предвещало ничего хорошего. В конце концов, они были не наедине – там Лиза, возможно, и поддалась бы соблазну, – а на публике. Здешнее же общество к однополый любви относилось резко отрицательно.

«Консерваторы хреновы!»

– Нина, – сказала она мягко, с максимальной деликатностью, – мы же договорились, шер ами, что не будем торопить события. Хорошо?

– Хорошо, – нехотя согласилась находившаяся «под градусом» женщина и убрала руку.

– И кстати, – продолжила свою мысль Лиза, – я надеюсь, Нина, ты помнишь, что мне еще предстоит деловая встреча. Сегодня. Практически сейчас.

– А не поздно для деловых встреч? – нахмурилась Нина.

Она о встрече, назначенной на одиннадцать часов вечера, знала, разумеется, заранее. Но сейчас, находясь подшофе, объяснения, данные ей Лизой накануне, успела как бы забыть.

– Не ревнуй! – улыбнулась Лиза. – Повода нет.

«Да и прав никаких, на самом деле, нет!»

– Only business, – сказала она тем не менее вслух, – у вас ведь так говорят?

– Ладно, извини! – сдала назад Нина. – Вино в голову ударило.

«Хорошо хоть не моча!»

– Извиняю! До отеля сама доберешься или «свистнуть» тебе извозчика?

– Иди уж! – вздохнула Нина. – Швейцар потом «свистнет», а я еще посижу. Может быть, выпью кофе, то да се...

– Хорошая идея, – согласилась Лиза, вставая из-за стола. – Особенно мне нравится «то да се»!

¹ Буйабес – марсельский рыбный суп.

В результате извозчика взяла она сама и ровно в одиннадцать ударила кнокером в дверь старого двухэтажного дома на Форстенпарк.

Открыла ей Мари Нольф, осмотрела Лизу с ног до головы – именно в этом порядке, – криво усмехнулась, покачала головой и с тяжелым вздохом, словно собиралась как минимум на эшафот, предложила войти.

– Вот стол, – сказала Мари, когда они прошли в гостиную, – а вот стул, – указала она рукой. – Садитесь, Елизавета. Я к вашим услугам.

Лиза села.

– Какая-то вы неласковая, – посетовала она, доставая кожаный портсигар.

– В последнюю нашу встречу...

– Забудьте! – остановила Лиза женщину. – И не стойте надо мной, как памятник вселенской скорби! Садитесь, и давайте поговорим! В конце концов, вы могли не соглашаться на эту встречу. *Liberum arbitrium indifferentiae*, как говорили латиняне. Полная свобода выбора.

– Кофе? Вино? Коньяк? – как ни в чем не бывало спросила Мари. Правда, смотрела она при этом на Лизу с тем выражением, с каким разумные двуногие смотрят на говорящего попугая. – Разговор, я полагаю, будет долгим?

– Как получится, – усмехнулась Лиза, закуривая. – Надеюсь все-таки, что поговорим. Кофе с коньяком меня вполне устроит.

– Ну, кто бы сомневался! – в отличие от их последней встречи во Фритауне, сейчас Мари выглядела совершенно спокойной. – К вашему сведению, Лиза, я готовлю кофе во френч-прессе.

«Не дура! Сообразила, поди, что я к ней не собачиться пришла!»

– В этом скрыт какой-то тайный смысл?

– Нет, но кофе еще нужно смолоть, а воду вскипятить, – едва ли не через плечо бросила Мари, уходя на кухню. – Так что придется подождать.

– Я никуда не спешу, – пыхнула Лиза папиросой. – Подожду здесь и обещаю никуда не уходить!

Они познакомились чуть больше года назад, но казалось, что с тех пор прошла целая вечность. Где Брюгге, а где Африка? Где тихая размеренная жизнь ученой девушки из Фландрии, и где похождения отпетой авантюристки Мари Нольф? Казалось бы, разные миры и разные женщины. Однако на самом деле один и тот же мир и одна и та же женщина.

«Сука драная! Да если бы не я, ты бы там, в Ярубе, и сгинула!»

– Итак, вот кофе и вот коньяк, – Мари закончила сервировать стол и села напротив Лизы. – Я вся внимание.

– Что ж, – усмехнулась Лиза, вполне оценив предложенный ей стиль общения, – давайте, Мари, для начала определимся с базовыми понятиями.

– Вы учились в университете? – нахмурилась Мари. Дело в том, что раньше Лиза с ней на таком языке не говорила. А сегодня, глядишь ты, то латинские поговорки озвучивает, то изъясняется ученым языком. Сплошные непонятки.

– Я автодидакт, – мило улыбнулась Лиза. – Лоужа се кеорока, йя теадера².

– Женщина, – перевела Мари, глядя на Лизу с еще большим недоумением. – Как же это? Должна? Обязана? Да, пожалуй, так, но с повторным обращением. Женщина, ты должна это знать, ибо это... Первое?

– Важно, – подсказала Лиза. – Потому что это важно.

– Ого! – подняла брови Мари Нольф. – Оказывается, Елизавета, вы еще и на яруба говорите, а изображали из себя черте что!

² Фраза на несуществующем языке яруба, на котором говорит несуществующий народ яруба. Дословно: женщина, ты должна это знать, поскольку это важно.

– Я сапог, милочка! – снова улыбнулась Лиза, довольная произведенным впечатлением. – Но я образованный сапог. А язык яруба я учу уже целый год. Читаю пока плохо, говорю чуть лучше, но не думаю, что в достаточной мере. Однако вернемся к нашим баранам. В прошлом году... – Лиза понюхала коньяк, но пить пока не стала. – В общем, было несколько моментов, Мари, когда я мечтала свернуть вам шею. Собственными руками. Услышать хруст позвонков, и...

В этом месте Лиза была более чем откровенна. Даже сейчас – даже после того, как она приняла принципиальное решение «дружить» – одно упоминание о возможности свернуть Мари шею едва не вызвало у Лизы настоящий оргазм.

– Жалеете, что не убили? – Мари, верно, заметила что-то *такое* в глазах Лизы, или услышала в интонации, или углядела в выражении лица.

– Иногда мне это снится, – почти искренно призналась Лиза.

– Однако вместо того, чтобы сломать мне шею, вы меня спасли от англичан.

– И не жалею! – Лиза сделала глоток, потом второй и отставила бокал. – Вы наименьшее зло, Мари. Да и потом, убей я вас тогда, с кем бы я разговаривала сегодня?

– А есть о чем?

– Думаю, что есть.

Лиза достала из сумочки кожаный кисет и положила его на стол.

– Дары данайцев, – кивнула она на кисет.

– Мне начинать бояться? – Прищурилась Мари, явно гадая, что находится в кисете.

– Не стоит, – покачала головой Лиза. – Я вас сразу предупреждаю. Придется платить.

– За все приходится платить, – пожала плечами собеседница. – Чего вы хотите?

– Хочу, чтобы вы рассказали мне все, что знаете об афаэре.

– Вас заинтересовала эта заумь?

– Представьте, да.

– Что лежит в кисете?

– Давайте посмотрим! – Лиза развязала шнурок и осторожно вытащила из кисета скрученные в трубочку листки бумаги. – Ох! Да это же те самые листки из вашего блокнота, о которых вы спрашивали меня во Фритауне!

– Значит, их украли все-таки вы, – обвиняюще прищурилась девушка Нольф.

– Нет, – соврала Лиза. – Их взял доктор Тюрдеев, а я нашла бумажки, когда разбиралась с его вещами. Но ваши вопросы, Мари, заставили меня заинтересоваться афаэром. Оказалось, это не секрет и не тайна. Есть даже словарная статья. Как там? «Афаэр – *нуминозное понятие, относящееся к древнейшей составляющей системы верований народа яруба...*»

– Словарь Вигенера, – назвала Мари источник Лизиной мудрости. – Неплохо для начала. Что-то еще?

– Всякие глупости, никто ведь эту «заумь» всерьез не воспринимает. Ну, кроме вас, Мари.

О том, что «этой заумью» самым серьезным образом занимался доктор Тюрдеев, полагавший, что афаэр это не символ ключа, а именно ключ, открывающий двери между мирами, Лиза решила умолчать. Во-первых, не стоит открывать потенциальному конкуренту сразу все карты, ведь еще неизвестно, что предложит ей взамен Мари. А во-вторых, всё, что было связано с Тюрдеевым, по-прежнему оставалось для Лизы запретным для произнесения вслух. Леонтий, как говорят истребители, был больной на всю голову сукин сын, но сначала Лиза этого не знала и успела в него влюбиться. Тем сильнее оказалось разочарование, когда он попробовал ее убить. И все из-за этого клятого афаэра.

«Я сниму его с твоего мертвого тела! – вспомнила она последнюю реплику своего несостоявшегося любовника. – Вот же сука!»

Получилось наоборот, Тюрдеева убила сама Лиза, и это была еще одна причина, чтобы держать все связанное с доктором «в уме».

– Афаэром интересуется полковник Штоберль.

Про полковника Лиза уже знала, как знала и то, что Штоберль теорию доктора Тюрдеева не разделяет.

– Пустое! – отмахнулась Лиза. – Мне интересно, что знаете вы!

Лиза помолчала, нагнетая напряжение, и достала из кисета золотой афаэр.

– Это?.. – опешила Мари, явно не ожидавшая такого поворота. Да и кто-бы на ее месте ожидал?

– Мы нашли семнадцать таких украшений, – объяснила Лиза, пододвигая афаэр к Мари. – Из золота, серебра, ярубской бронзы... А теперь скажите, Мари, это то, что вы искали?

Лиза знала ответ. Это действительно было всего лишь украшение. Не афаэр. Во всяком случае, не настоящий афаэр, потому что Лиза ничего *особенного* в нем не почувствовала. В этих цацках не было *жизни*, не было души, не было магии, в конце концов. Не то, что в ее собственном, «настоящем» афаэре. И потом так много? Семнадцать штук в одной не самой большой сокровищнице яруба? Тем не менее они там были, и они явно были сделаны по образу и подобию подлинного афаэра. Поэтому, пользуясь своим безусловным «правом первой ночи», Лиза взяла из общего котла пять таких украшений. На всякий случай. И одно из них теперь лежало перед ней на столе.

– Можно взять? – подняла на нее взгляд Мари.

– Берите! – разрешила Лиза и едва ли не залпом выпила свой кофе.

– Даже боюсь спрашивать, что там у вас еще, – покачала головой Мари. – Чего вы хотите?

– Сотрудничества. Откровенности. Соблюдения договоренностей, когда и если таковые появятся. Можно еще кофе?

– Сотрудничества? И вы мне поверите после всего, что случилось между нами в Африке? – Мари долила кофе в Лизину чашку и посмотрела ей в глаза.

– Ну, как вам сказать, – Лиза закурила еще одну папиросу и пустила дым. – Наверное, нет. Но!

– Но?

– В следующий раз я вас просто убью. Сама. Своими руками. Верите?

– Да, – кивнула Мари через несколько секунд. – Верю.

– Тогда рассказывайте все, что знаете, и я оплачу продолжение ваших исследований, – с этими словами Лиза сунула пальцы в кисет и достала оттуда банковский чек...

* * *

Проговорили до двух часов ночи. Оказалось, что если правильно попросить, начинают сотрудничать даже такие стервы, как Мари Нольф. А Мари, похоже, вняла голосу разума и запела соловьем. И то сказать, Лиза предложила несколько весьма серьезных аргументов в пользу добровольного сотрудничества, а Мари Нольф не дура какая-нибудь: ученая девушка, умеет соображать.

В результате до постоялого двора Лиза добралась в четверть третьего ночи. Сбросила одежду, приняла душ, накинула на разгоряченное тело банный халат и только успела плеснуть себе в хрустальный стакан немного виски «Банф» двадцать третьего года, как в дверь постучали.

«Вот же неугомонная! – усмехнулась мысленно Лиза, направляясь к двери. – Но с другой стороны, упорство должно быть вознаграждено, разве нет?»

Лиза открыла дверь, и оказалось, что она кругом права.

– Что-то не спится, – неуверенно улыбнулась Нина, облаченная во что-то напоминающее японское кимоно, но в варианте – ткани поменьше, а шелк потоньше. И разумеется, ни пеньюара, ни белья Лиза под тем кимоно не рассмотрела.

«Предусмотрительно! Но и я сегодня заслужила что-нибудь эдакое, разве нет?»

– Входи! – пригласила она. – Выпить хочешь?

– А что ты пьешь?

– Виски.

– Крепкий?

– А тебе что, утром на работу идти?

– Да нет вроде бы, – Нина вошла и закрыла за собой дверь, щелкнул замок. – Дай попробовать!

– Пробуй, – улыбнулась Лиза и, сделав намеренно долгий глоток, наклонилась к Нине.

Прикосновение Нининых губ оказалось приятным, но коротким.

– Действительно, вкусно! – признала Нина, стремительно пройдясь языком по губам Лизы. – Еще глоток?

– Тогда нам лучше сесть или лечь, – усмехнулась Лиза. – А то у меня скоро шею сведет!

– Лучше лечь!

– Пойдем! – позвала Лиза и направилась в спальню.

На самом деле, она уже «загорелась» и останавливать этот пожар не собиралась. Одним глотком допила все, что еще оставалось в стакане и, поставив его на прикроватный столик, упала спиной на кровать. Приглашение недвусмысленное, и Нина не заставила себя ждать. Пожалуй, она была несколько поспешна и резковата в движениях, но, возможно, в этом была виновата страсть. Однако перед тем как окончательно потерять голову, Лиза отметила про себя очевидную неопытность подруги. Это было странно, учитывая активные ухаживания американки, но думать об этом не хотелось. Хотелось другого, и Лиза решительно взяла инициативу на себя. Нина была женщиной некрупной, можно сказать, миниатюрной, так что Лиза легко «взяла верх», показывая, что и как нужно делать, и, следует сказать, Нина оказалась хорошей ученицей, да и импровизировала не хуже профессиональных джазистов.

Сколько времени продолжалось это путешествие «в страну чудес», Лиза не знала. Возможно, долго, а может быть, и нет. Но в любом случае она совершенно определенно испытала невероятное наслаждение и многократно кончила, один раз и вовсе каскадом, так что ее било и мотало никак не меньше минуты или двух. Жарко было, как в бане, пот лился ручьем, и сердце колотилось, как после воздушного боя. И, похоже, что от переизбытка впечатлений и от силы пережитых эмоций в какой-то момент Лиза просто лишилась сознания, выпав в нирвану или еще куда. Нина – хоть и «орала» временами куда громче Лизы – оказалась в этом смысле невероятно выносливой, и когда Лиза пришла в себя, американка покрывала мелкими поцелуями ее многочисленные шрамы, о существовании которых Нина до этой ночи даже не подозревала.

Правду сказать, это оказалось по-настоящему приятно, так что Лиза расслабилась и продолжала получать удовольствие, хотя так высоко, как прежде, уже не взлетала.

– Что с тобой произошло? – спросила Нина чуть позже, когда они пили виски, сидя на постели в первых лучах восходящего солнца. Раздвинули шторы, приоткрыли одно из двух высоких окон и закурили, прихлебывая крепкий – сорок шесть процентов алкоголя – шотландский односолодовый виски тройной прогонки.

«И в самом деле, что с тобой произошло, милая?»

– Упала неудачно, – сказала она вслух, – и так несколько раз подряд.

Нина намек поняла и больше о шрамах не спрашивала. А вот сама Лиза не думать об этом не могла. Начала с очевидного: слава богу, местная мода не предполагает ношения мини-юбок, тем более тридцатилетней женщиной. Кроме того, шелковые чулки заметно плотнее капрона, а глубокое декольте в вечернем платье, если что, можно компенсировать открытой спиной. Так

что выставлять напоказ свои уродства Лизе не приходилось, и вся правда открывалась только в постели. Ну, или на пляже, но на общественные пляжи, как и в общественные бани, Лиза не ходила. Она, разумеется, приходила иногда к морю, но не в купальнике, в смысле не для того, чтобы загорать или купаться, а просто чтобы прогуляться вдоль берега, только и всего. Купалась она обычно одна, на безлюдных пляжах, предпочитая для своих заплывов утренние или вечерние сумерки, или такое время года, когда нормальные люди на пляжах не появляются.

Однако дело было не только в эстетике. Гораздо важнее для Лизы было понять, как она вообще смогла выжить, получив такие – обычно не совместимые с жизнью – повреждения! В бою под Опочкой польский крейсер-тримаран «Маршал Гелгуд» расстрелял ее штурмовой коч, что называется, в упор. После этого штурмовик Лизы – или, вернее, то, что от него осталось – упал под действием гравитации на землю с довольно большой высоты. Лизу нашли спасатели. По их мнению, впрочем, они нашли окровавленный труп женщины-пилота, и то, что мертвое тело неожиданно стало проявлять признаки жизни, повергло их в замешательство, если не сказать, в шок. Врачи, как позже узнала Лиза, вообще не понимали, как такое возможно, считая Лизу неким принципиально непостижимым медицинским феноменом, никак не меньше. Впрочем, они не знали – и не могли знать, – что капитан-лейтенант Браге действительно погибла в тот день, а признаки жизни подавала уже совсем другая женщина, хотя и в том же самом разбитом и изуродованном теле. По мнению Лизы, именно тогда она и «застряла». Возможно, – и скорее всего, – войти в чужое сознание, как и выйти из него, можно только, если человек жив. Впрочем, это была всего лишь гипотеза. Одна из многих, но она Лизе нравилась больше других.

В общем, Лиза тогда выжила и вскоре даже пошла на поправку. А чуть больше чем через год после того, как произошел исторический бой между крейсером и одиноким штурмовиком, флотская медицинская комиссия признала ее здоровой, и более того, годной к службе на боевых кораблях. На штурмовик ее не пустили из одной только перестраховки, поскольку все физиологические показатели Лизы оказались в норме. Единственным напоминанием о многочисленных переломах и разрывах – ну, разумеется, кроме пресловутых шрамов – являлись периодические приступы сильной боли, о которых Лиза никому не рассказывала, переживая их в одиночестве, даже если оказывалась в этот момент на виду. Боли эти были в принципе необъяснимы, ведь неоднократные проверки Лизиного здоровья, последняя из которых произошла в апреле после боя над Виндавой, никаких отклонений в функционировании ее организма не выявили. Что-то такое знал об этих болях ее несостоявшийся любовник Леонтий Тюрдеев, но тайну свою – подонок – унес в могилу. Лиза убила его в Западной Африке на берегу реки Мосезе, – за дело, между прочим, – так и не узнав, что за снадобья готовил для нее корабельный лекарь.

Однако если вывести эти боли за скобки, смерть Елизаветы Браге – как ни странно это звучит – осталась для организма Лизы без последствий. Она была физически здорова, даже более чем здорова. Ее организм справлялся с такими запредельными нагрузками, что можно было только диву даваться. Даже если не считать ее военных приключений, Лиза ведь в одиночку прошла двухсоткилометровый маршрут, пролежавший через горы, пустыни и джунгли Западной Африки. На самом деле, даже больше, но кто считал! Ела – если приходилось – всякую гадость, пила что придется, временами едва ли не умирая от жажды. И все-таки маршрут прошла от и до. На своих двоих, без специального снаряжения, и даже без подходящей для таких приключений одежды и обуви.

Кроме того, следовало признать, что Лиза умудрилась ничем серьезным в Африке не заболеть. Раны если и нагнаивались, то воспаление проходило достаточно быстро, и уж точно ни разу не переросло во что-нибудь более серьезное, типа гангрены или заражения крови. Да и малярию не подхватила, хотя долго шлялась по самым гиблым местам. Возможно, ей просто везло, но не исключено так же, что и это положительный результат «вселения». В архиве

Тюрдеева, хранившемся в его доме в Гейдельберге, Лиза нашла описания нескольких случаев, более или менее похожих на ее собственную историю. Закономерность, которая в них прослеживалась, заключалась в том, что «воскреснув», человек не только «освобождался» практически от любой «хвори», от которой страдал до своей гибели, но и обретал некие новые качества, прежде за ним незамеченные. Ничего волшебного. Все в пределах возможностей человека, но при том возможностей предельных. Физическая выносливость, мощный иммунитет, усиление регенеративной функции и высокая адаптивность, не говоря уже о психологической устойчивости. Это, между прочим, объясняло и то, что, реагируя в целом стандартно на алкоголь и наркотики, Лиза переносила их гораздо лучше большинства обычных людей. А в июне, во время нападения агентов английской секретной службы, она перенесла на ногах еще и острое отравления ингиберином³.

Воспоминания о том дне заставили Лизу резко сменить направление мысли. Теперь – по прошествии времени – она уже не была так уверена, что это и в самом деле была операция МИБ. Слишком топорно, грубо, словно бы на показ, действовали англичане. Вполне возможно, что в той истории не обошлось без Ивана и контрразведки Флота. Не то чтобы откровенная инсценировка, но слишком похоже на провокацию.

«Все возможно!»

Но даже если Седжвик появился там случайно – во что Лиза не верила, – с капитаном ван Россомом пора было что-то решать. И решать кардинально.

«Да, – решила Лиза, пыхнув папиросой, – пора задуматься о судьбе майора Седжвика. Выстрел-то остался за мной!»

* * *

Две недели пролетели, как не было, буквально растаяли «как сон, как утренний туман». Лиза оглянуться не успела, а на дворе уже конец июля, а за окном площадь Испании. И значит, каникулы с Ниной закончились, но жизнь продолжалась, и это было прекрасно.

В конце концов, ничто не вечно под луной, и однажды выяснилось, что американке пора возвращаться домой, да и у Лизы в начале августа была назначена деловая встреча на севере Италии. Уточнять, где именно и с кем конкретно она встречается, Лиза не стала, но и Нина не могла сказать, когда именно прибудет в Нью-Йорк и когда доберется до Филадельфии. И с пенсильванским адресом неожиданно возникли проблемы. Один дом Нина вроде бы продала – он казался ей слишком большим, – другой еще не купила. История темная, но Лизу такое положение дел даже устроило. Курортный роман тем и хорош, что не предполагает логического продолжения. И никакого вообще продолжения, если честно. Любовь – морковь, встретились – разбежались, без обязательств и без последствий. Такова жизнь.

Расстались – трогательно, и едва ли не со слезами на глазах – в четверг утром в порту Ливорно. Нина уплывала на пароходе в Марсель, откуда собиралась вылететь в Лондон и уже оттуда трансатлантическим экспрессом в Нью-Йорк. Ну, а Лиза решила ехать поездом в Рим. По официальной версии, она собиралась осмотреть римские древности, но на самом деле планы ее были слабо связаны с развалинами Колизея или термами Каракаллы. У Лизы в голове крутились совсем другие идеи, недаром же она всю последнюю неделю названивала – в отсутствие Нины, разумеется – то на борт «Звезды Севера», готовившейся на достроечном поле верфей ван Хурина ко вторым ходовым испытаниям, то в роттердамский отель «Париж», где проживали временно некоторые члены экипажа, включая Иана Райта. Телефонировала она и в Гейдельберг, подолгу беседуя с полковником Штоберлем на разные отвлеченные темы, имев-

³ Ингиберин от *лат.* *inhibere* «останавливать» – вымышленный препарат для обездвиживания противника.

шие тем не менее особый подтекст, понятный лишь им двоим в контексте истории их делового партнерства.

И вот Лиза в Риме. Окна ее апартаментов выходят на площадь Испании, видна даже знаменитая Испанская лестница. Утро, солнце, благодать.

«Что ж, прогуляемся...»

Лиза критически изучила свой многократно разросшийся гардероб и, в конце концов, выбрала длинное – до середины икр – облегающее платье из голубого шелка от «Мадам Шерюи». Соответственно, пришлось надеть шелковые чулки телесного цвета и облегающее нижнее белье с латексом, которое несколько лет назад начала выпускать американская фирма *Lastex*. К платью подошли двухцветные – синие с белыми вставками – туфли с глубоким вырезом на двухвершковых каблуках и синий льняной жакет от модного дома «Дреколь». Завершали наряд белая шляпка от Скиапарелли – маленькая, плоская, сдвинутая к правому уху – и белая же крошечная сумочка. Ну и, разумеется, привычные уже круглые очки в золотой металлической оправе с затемненными стеклами.

Лиза придирчиво осмотрела себя в тройном зеркале трюмо и пришла к выводу, что она безупречна. Высокая, с тонкой талией, плоским животом и небольшой грудью, да еще и блондинка – она полностью соответствовала идеалу красоты, вошедшему в моду еще в конце двадцатых годов с легкой руки киноделов из Майями⁴.

«Я красавица, и пусть умрут все завистники!» – Этому лозунгу Лиза научилась у Нади и теперь пользовалась им при всяком удобном случае.

Воспользовалась и нынче. Настроение сразу же поднялось, и Лиза покинула постоянный двор, двигаясь легко и раскованно, как может двигаться молодая здоровая женщина в хорошем настроении, твердо знающая к тому же, что она красива – во всяком случае, при взгляде издали – и одета не лишь бы как.

В конце концов, прогулявшись по близлежащим улочкам и переулкам, заглянув между делом в пару попавшихся по пути бутиков, Лиза вышла к кафе «Греко», и метрдотель проводил ее к столику у окна, выходявшего на улицу. Завтракала Лиза по привычке рано утром. Разнообразно и с размахом. Сейчас же, в начале одиннадцатого, она заказала десерт – сицилийские канноли, – кофе по-венски и двойную порцию граппы.

И только она взялась за сахарные трубочки с сыром маскарпоне, как в зале кафе появился высокий спортивного сложения господин в светлом костюме-тройке, белоснежной рубашке со стоячим воротничком, при галстукке, но в шляпе-панаме⁵. Оглядев мимоходом зал, он неторопливо подошел к столику Лизы и учтиво приподнял шляпу.

– Доброе утро, Елизавета Аркадиевна! – поздоровался он по-русски. – А вы, смотрю, кардинально изменили свой облик!

Встреча оказалась настолько неожиданной, что у Лизы даже дыхание перехватило.

– Ну, – сказала она в ответ, преодолев краткий миг замешательства, – вас, полковник, тоже ведь хрен узнаешь! Что вы здесь, кстати, делаете?

– Путешествую в целях поправки здоровья.

– Что-то серьезное? – вежливо поинтересовалась Лиза, ни на мгновение не поверив, что Рощин и в самом деле чем-нибудь болен. – Присаживайтесь, пожалуйста! Терпеть не могу разговаривать задрав голову.

С полковником-пластуном Лиза познакомилась в апреле, в первый день войны. Она высаживала со своего крейсера десант в устье реки Роя. Ну, а командовал десантом как раз Вадим Рощин.

– Спасибо, – поблагодарил он, присаживаясь к столу. – Надеюсь, не помешал.

⁴ Самое смешное, что рядом с Майями находится город Холливуд.

⁵ Шляпа-панаме – лёгкая шляпа с упругими полями из особого сорта соломы – токилья.

- Как вы узнали, где меня искать?
- Мистер Райт подсказал.
- Даже так? – подняла Лиза бровь.
- Вы не пришли на встречу в шесть часов вечера после войны.
- Господи, Рошин, вы что, серьезно?! В шесть часов вечера после войны?
- Да, – позволил себе скупую улыбку Рошин, – в Ниене на Великокняжеской набережной, у львов. Вы сами так сказали.
- Рошин, – виновато улыбнулась Лиза, – мне очень жаль. Я думала, вы поняли, я шутила. У меня есть друг...
- Мужчина, – добавила она, сообразив, что в ее случае это не так уж очевидно.
- Профессор Паганель покинул Себекию еще в мае, и вы, Лиза, сейчас находитесь в Риме, а не в Лондоне.
- Звучало логично, что тут скажешь!
- В Эдинбурге, – автоматически поправила полковника Лиза. – Паганель живет в Эдинбурге.
- Тем более, – чуть пожал плечами Рошин. – Он там, вы здесь. Похоже, мои шансы уже не стремятся к нулю.
- Значит, собираетесь ухаживать?
- С максимальной деликатностью, – успокоил ее полковник.
- «Вот только новых отношений мне сейчас и не хватает!»
- Предыдущий опыт не обнадеживал. Тюрдеев попытался ее убить, а Паганель продемонстрировал такую разницу в менталитете, что просто оторопь брала. И все это в течение одного года. Начинать теперь – в преддверии экспедиции в Лемурию – новый виток брачных игр казалось неправильным, даже если речь шла о таком мужчине, как Вадим Рошин.
- Вадим, – сказала она мягко, – через месяц «Звезда Севера» уходит в новую экспедицию...
- Вот, собственно, об этом я и хотел с вами поговорить.
- Черный кофе, – бросил он подошедшему к их столику официанту. – Самый крепкий, какой получится.
- Любопытный поворот, – Лиза отодвинула от себя недоеденный десерт и открыла портсигар. Рошин и в самом деле сумел ее удивить.
- Я говорил с Райтом, но Иан, в силу известных нам обоим обстоятельств, направил меня к вам.
- Только не говорите, что собрались наняться на «Звезду Севера»!
- Именно это я и собираюсь сделать, – Рошин галантно дал ей прикурить от своей зажигалки. – Если, разумеется, вы не будете возражать.
- Я буду возражать! – пыхнула папиросой Лиза. – Я уже возражаю!
- Позвольте мне все-таки изложить вам свои соображения. – Рошин полковник-пластун, и этим все сказано. Его смутить сложно, еще труднее сбить с мысли.
- Излагайте! – согласилась Лиза.
- Во-первых, опыт вашей предыдущей экспедиции, Лиза, недвусмысленно указывает на то, что в вашем экипаже не хватает профессиональных военных. Несколько кадровых офицеров и сержантов разрешили бы ваши прошлогодние проблемы в Африке еще до того, как эти проблемы проявили себя в полную силу. Разве нет?
- Да, – кивнула Лиза, признавая очевидное, – скорее всего.
- Если же предположить, что это были бы пластуны...
- Я вас поняла, – Лиза все-таки взяла стаканчик с граппой и сделала осторожный глоток. – Продолжайте!

– Я взял годичный отпуск. Поручик Львов и два сержанта готовы присоединиться ко мне в любую минуту. Надо только дать телеграмму...

– И их сразу же отпустят со службы?

– Ваш кузен, капитан Кениг, обещал поспособствовать.

– О, Иван поспособствует! – усмехнулась Лиза, сообразив, откуда ветер дует. – Скажите, Вадим, это он вас надоумил?

– Вообще-то идея принадлежит Григорию, а Ивана мы подключили позже.

– А Григория, небось, надоумила Полина...

– Как бы то ни было, – покачал головой Рошин, – идея возникла. Но я не закончил излагать свои доводы.

– Продолжайте! – вздохнула Лиза. – Чего уж там!

– Мистеру Райту моя идея понравилась, но он просил прежде переговорить с вами.

– И вы притащились за мной в Рим.

– Притащился? – усмехнулся полковник. – Да, возможно. Но вот что я хочу вам сказать, Лиза. Я обещаю не надоедать вам своими ухаживаниями. Просто дайте мне возможность быть рядом с вами. А там, как бог рассудит, так пусть и будет. Не дожусь ответных чувств, уйду с вашего пути. Клянусь!

«А что, – вдруг подумала Лиза, – почему бы и нет? И смотри, как вовремя он нарисовался...»

– А если я предложу вам совершить вместе со мной партизанский рейд на территорию Объединенного королевства? – Это был решающий вопрос. Можно сказать, пробный камень.

– Будем кардинально решать вопрос майора Седжвика? – почти равнодушно поинтересовался Рошин.

– Есть возражения?

– С чего бы вдруг? – удивленно поднял брови полковник. – Другое дело, что я бы предпочел выполнить миссию без вашего участия...

– Не обсуждается! – отрезала Лиза, сердце которой неожиданно пошло в разгон. Рошин оказался даже лучше, чем она о нем думала.

– Мне вызвать подкрепление? – спросил он сухим, исключительно деловым тоном.

– Не стоит, – покачала она головой. – Одно дело вы, Вадим, и совсем другое – они. Есть разница. Тем более что у меня уже есть несколько компаньонов... вы будете четвертым.

* * *

Неделю – с первого по седьмое августа – Лиза провела с подругами в Виченце и окрестностях. В Венецию не поехали, такой город один требует гораздо больше времени, чем то, которым располагали Лиза, Надя и Клава. Поэтому подруги ограничились треугольником Виченца – Верона – Падуя. Отдохнули на славу. Что называется, как в былые времена. Кутили, правда, аккуратно, но зато веселились до упаду, а еще слушали чудесную итальянскую музыку, дегустировали вина из Эмилии-Романьи и блюда венецианской кухни, гуляли по старым городам и по живописным окрестностям. Холмы с церквями на вершинах, старинные палаццо, цветущие долины, сады и оливковые рощи и, разумеется, горы. Везде, где бы они ни появлялись, фоном для чудных пейзажей в классическом итальянском стиле служили горы.

– Вакации удались! – подытожила общее мнение Надежда. – Еще бы погуляла, но, увы, заказчики уже, поди, от нетерпения копытами землю роют. Следует соответствовать!

Разумеется, она была права. И в том, что каникулы получились отменными, и в том, что у всех троих имелись обязательства, как, впрочем, и срочные дела, которые никто за них не переделает. Поэтому расцеловались и разъехались кто куда. Лиза, к примеру, вылетела на

арендованном винтокрыле в Болонью, и уже оттуда пассажирскими линиями через Милан, Дижон и Париж за тридцать часов добралась до Дюнкерка.

Местом встречи был назначен одиноко стоящий среди запущенного сада особнячок в двадцати километрах от города. Место тихое и уединенное, на отшибе и без посторонних глаз. Лиза прилетела туда на взятом напрокат автожире ближе к вечеру девятого августа. Оказалось, как раз вовремя. Клара ван де Хёлст с Бейли, Роциным и Нильсеном прибыла из Бремена еще накануне. Шестиместный вертолет «Дорнье» угнал со стоянки во Франкфурте Берт Нильсен. Клара, будучи отличным пилотом, уступила эту привилегию второму помощнику со «Звезды Севера», поскольку у Нильсена боевой опыт – не отличимый в данном случае от криминального – куда богаче. Пока они занимались транспортом, оружейник Бейли и полковник Роцин закупили в Бремене, являвшемся чем-то вроде европейской Тортуги, оружие и снаряжение, благо там никто вопросов не задавал и документов при покупке ручных гранат или пистолетов-пулеметов «Зет-ка» не спрашивал. Четвертой в группе «диверсантов» была навигатор Варзугина. Она вместе с командиром первой наземной группы Анной Монтанелли ждала всех остальных в арендованном итальянкой доме. Анна на операцию не уходила. Ее задача – оставаться «на базе» и обеспечивать всем остальным алиби, если таковое все-таки потребуется. Ей предстояло жарить стейки и шашлыки, скармливая готовую продукцию собакам, и опорожнять в канализацию многочисленные винные бутылки. Два ящика великолепного «Шато Монтре», если быть точным в деталях.

Лиза добралась до базы в восемь вечера, а в десять ей перезвонил полковник Штоберль из Гейдельберга и сообщил, что по его данным, «наш знакомый» встречается завтра в «Ведерке с кровью» со своими однокашниками из Сандхерста.

– Ведерко с кровью? – переспросила Лиза.

– Ох, извините, сударыня! – засмеялся полковник. – Это неофициальное название. Речь идет о пабе *Lamb and Flag* в Ковент-Гарден.

– Друзей будет много? – уточнила Лиза.

– Нет, не думаю. Мне сообщили о двух, но, может быть, их будет трое.

– Спасибо! – поблагодарила Лиза и дала отбой.

Ей нравилось сотрудничать с немцем. Штоберль умел держать слово и не плел интриг. Убедившись еще в прошлом году, что с Лизой приятно иметь дело, он избрал в отношениях с ней сдержанную искренность, скрашенную толикой здорового цинизма.

– Завтра в Лондоне, – сообщила она «господам партизанам», переговорив со Штоберлем. – Все готовы?

Готовы были все.

– Что у нас с маршрутом?

Про то, что валить майора будут в Лондоне, было известно уже два дня. Успели подготовиться.

– Сто девяносто километров по прямой, – сразу же ответила Варза. – Но надо брать с запасом. Встречный ветер, маневры уклонения, плюс идти придется над самой водой. Там нас точно никто не заметит, но большой скорости не разовьешь.

– Не факт, – уточнила Клара. – Увидим.

– Садиться будем в лесном массиве к югу от Эбби Роуд, – продолжила Варза. – Это три часа, если не тормозить.

– Значит, если вылететь в пять, к восьми будем на месте, – согласилась с навигатором Лиза, расстелив между тем на столе карту. – Это здесь?

– Да, – подтвердила Анфиса.

– Значит, сразу после высадки выходим на шоссе A206, – вклинился в разговор Роцин, – захватываем машину и двигаемся общим направлением на северо-запад. Еще час, максимум полтора.

– Девять, полдесятого... – кивнула Лиза.

– Я бы исходил из предположения, что доберемся к десяти, – провел пальцем по карте Бейли. – В это время кое-где могут быть пробки.

– Десять – это нормально, – Лиза тоже изучала карту, пытаясь представить, что и как пойдет в Лондоне. – Нормальные офицеры начнут не раньше восьми и в два часа никак не уложатся. Значит, планируем на завтра, между десятью и одиннадцатью. Как вам, дамы и господа?

– Хорошее время, – согласился Рошин. – И уходить будет легче, по темноте.

«По темноте, – подхватила мысль Лиза. – По темноте... Темные дела творятся под покровом ночи, разве нет? Вопрос, однако, грех или благодеяние избавлять землю от таких, как Седжвик?»

На самом деле, Лизу мало волновали вопросы морали. Елизавета Браге была не религиозна, хотя и носила крестик. Важнее, однако, было то, что она офицер Флота, а не просто пилот. Она истребитель, то есть, по определению, убийца на службе у государства. А Лиза Берг в церковь не ходила вообще и вместо Библии читала избранные работы Маркса и Ленина, в которых морали не было места, потому что революция – это насилие. Государство – это насилие. А убийство английского майора всего лишь санитарная миссия. Однако, если честно, все обстояло не так уж просто. Во всяком случае, для Лизы, иначе она не стала бы размышлять над вопросом, стоит ли Седжвику знать, кто и за что его убил.

* * *

Через Па-де-Кале шли, снизившись «по самое не могу». Уж на что Лиза рисковая, но и ей временами хотелось отвести взгляд. Хотя, возможно, все дело в том, что сейчас «рулит» Клара, а она – Лиза – всего лишь пассажир. Пассажиру ничего не остается, кроме как смотреть и терпеть. Не то – пилот. За штурвалом не до нежностей. Не до страха. Не до глупостей.

Лиза отвела взгляд от беспокойной поверхности моря и посмотрела на Рошина. Что бы ни чувствовал сейчас полковник, внешне он оставался монументально спокоен.

«Серьезный мужчина!»

В голове по какой-то странной ассоциации крутился давным-давно забытый стишок из школьной программы советской школы. Что-то про людей и гвозди.

«Гвозди бы делать из этих людей? – попробовала вспомнить Лиза. – Точно! Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей!»

Да уж, железная выдержка. Твердый характер. Одним словом, пластун.

Еще Лизе вспомнился разговор, состоявшийся между ними в тот самый день в Риме. Лиза заикнулась было о том, что с моральной точки зрения ее затея выглядит, возможно, не вполне безупречной. Но Рошин ее остановил, и возражения его Лизе чрезвычайно понравились.

– Видите ли, Лиза, – сказал он ей тогда, – мы с вами люди военные, а на войне как на войне! И в этом конкретном случае не имеет никакого значения, находимся мы с Англией в состоянии войны или нет! Человек, решивший, что может делать на территории Себерии все, что ему заблагорассудится, должен знать, что за все надо платить. И не важно, исполнял ли он приказ вышестоящего начальства или действовал по собственной инициативе. Он напал на себерского офицера. На вас, Лиза, напал. Собирался захватить, в результате чуть вас не убил. И более того, нападение произошло не где-нибудь в Африке, а в столице моей страны. Поэтому, тут не о чем рассуждать. Приговор в этом случае может быть только один – смерть. А суд присяжных оставим для мелких жуликов!

«Ну, я где-то так и думала», – согласилась с Рошиным Лиза, хотя она и не была уверена в том, что Седжвик был в этом деле главной фигурой.

Впрочем, полковник не озвучил еще одну причину нынешней акции. Гнев! Лиза про гнев тоже промолчала. Про гнев, ненависть и острое желание грохнуть подлеца, как бешеного пса! И даже не столько за Шлиссельбург, – где черт знает, что произошло на самом деле, – сколько за Африку. Вот за Ярубу Седжвику и в самом деле полагалась секир-башка!

Между тем вертолет, идущий над водой со скоростью сто двадцать километров в час, пересек пролив по плоской дуге – имевшей в длину порядка восьмидесяти километров – и достиг берегов Соединенного королевства километрах в двадцати к северо-востоку от устья Темзы. К этому времени небо затянуло темными дождевыми облаками, и наступили ранние сумерки. Клара подняла машину на высоту двухсот пятидесяти метров и легла на заранее оговоренный курс к лесному массиву. А еще через несколько минут пошел дождь, и вертолет стал не только невидим, его и услышать-то теперь было почти невозможно.

И дальше все шло точно по плану. Посадка в лесу, маскировка вертолета и сооружение «лежки» для Клары в кроне старого дуба, одиноко стоящего на краю крошечной поляны.

– Клара, – напутствовал пилота Рошин, – к машине не подходите. Сидите на дереве и старайтесь не шуметь. Если все-таки кто-нибудь найдет вертолет, все равно оставайтесь на дереве и в бой не вступайте. Ждите нас.

– А если они тут засаду устроят? – попыталась протестовать пилот.

– Им же хуже! – пожал плечами Рошин. – Но с дерева не слезайте и в это дело не вмешивайтесь, лады?

Клара согласилась. В конце концов, Рошин пластун, а она всего лишь пилот легких машин.

* * *

– Вы уверены? – Рошин не пытался ее переубедить, просто спрашивал.

– Считаете, лишнее?

– Не знаю, – покачал он головой.

– Тогда решено! – Лиза осмотрела всех присутствующих и подвела итог: – Нильсен и вы, Вадим, держите главный и служебный входы. Бейли в машине. Работаем мы с Анфисой...

– Может быть, наденете маски? – мрачно поинтересовался Нильсен.

– Зачем? – удивилась Лиза. – Кто в здравом уме и твердой памяти поверит, что майора Седжвика завалила баронесса фон дер Браге в паре с женщиной типичной индейской наружности? Скажут, бред и инсинуации. А спросят лично, так у нас с Анфисой алиби имеется. Мы всю ночь пили и гуляли в вашей, между прочим, компании. Так что нет, работаем мы вдвоем и без масок.

Ну, они и сработали. Вошли шумно. Разговаривая на повышенных тонах и исключительно по-русски. Народу в заведении было немного, но женщины, по-видимости, никого не замечали. Продефилировали к стойке, с воодушевлением вываливая друг на друга такие заряды изощренной брани, что обалдели даже те из присутствующих, кто по-русски не разумел, то есть практически все.

– Два стакана водки! – потребовала Анфиса, когда дамы достигли прилавка.

– И соленый огурец! – добавила Лиза, так же как и Варза, даже не взглянув на бармена.

– Прошу прощения! – Бармен их, разумеется, не понял.

Пришлось перевести.

– Ну, вы тут и дремучие! – удивленно взглянула на него Лиза, переходя на ломаный английский. – Два! – и она показала обалдевшему мужчине два пальца. – Стакана! – указала она пальцем на посуду нужного объема. – Водки! Водки налей! Компреву?

– Два стакана, миз? Таких?

Но Лиза уже отвернулась и смотрела на майора Седжвика, встающего из-за стола, где он, по-видимому, выпивал с друзьями. Собутельники шпиона – к слову, их было всего двое – продолжали сидеть, глядя на Лизу в немом ошеломенности. Совсем другое дело Седжвик.

– А! – сказала Лиза, указав на него пальцем. – Вот и ты, барбос!

– Вы не перестаете меня удивлять! – покачал майор головой.

– Не расстраивайтесь! – усмехнулась в ответ Лиза. – Это в последний раз! – И она выхватила автоматический пистолет из наплечной кобуры. – Прощайте, сэр!

Седжвик такого развития событий не ожидал. Так и умер с маской неподдельного удивления на красивом – можно сказать, породистом – лице.

– Ну, что, отпустило? – спросил Рощин по дороге назад.

– Полегчало! – кивнула Лиза. – Просто гора с плеч.

Глава 3

Что было, что будет, чем сердце успокоится

Август 1932 года

После акции в «Ведерке с кровью» разъехались кто куда. Лиза, например, отправилась кружным путем в Гейдельберг к Штоберлю. Сначала в Амьен своим ходом, то есть все на том же арендованном автожире, но оттуда уже двигалась пассажирскими линиями то по земле, то по воздуху. Из Амьена в Париж, оттуда в Реймс, и через Метц и Карлсруэ в Гейдельберг.

На постоянный двор не поехала, поселилась «назло врагам» в доме номер семь по улице Стейнзейтвег, тем более что по давнему завещанию дом принадлежал ей, как *«любимой женищине и наследнице»* доктора Тюрдеева.

«Любимая женщина? Серьезно? А завалить меня он решил, как агента потусторонних сил? Умереть не встать!»

По сравнению с прошлым декабрем дом выглядел вполне сносно. Полы и окна вымыты, пыль сметена, и все на ходу, так как Лиза позаботилась об этом заранее. Вода, электричество, телефон, чистое постельное белье и все прочее, что может понадобиться человеку, который вернулся домой.

«Домой? – переспросила она саму себя. – И это мой дом?! Ну, может быть, и дом, но всего лишь на пару дней. Просто чтобы не заселяться в отель».

Лиза позвонила в ресторанчик в конце улицы и заказала ужин. Много мяса, картофеля и тушеной капусты, штрудель и печенье с корицей, ну а вино у нее было свое, из запасов покойного Тюрдеева.

«Ну, хоть на что-то путное сгодился, сука!»

Ужинала долго, вдумчиво, с аппетитом и со вкусом. Наелась, как удав, выпила тоже прилично. Не допьяна, но где-то на полпути. Покончив с ужином, встала из-за стола, задумчиво осмотрела гостиную, в которой устроилась трапезничать, и решила, что время еще не позднее, и, значит, вполне можно заняться делом.

«Что ж, делу время, потехе час!»

Лиза прихватила хрустальный стакан с виноградной водкой, поднялась в кабинет на втором этаже, села за стол, неторопливо и со вкусом – «А куда торопиться-то?» – раскурила сигару и, наконец, придвинув к себе телефонный аппарат, сняла трубку и попросила «барышню» соединить с абонентом 73–95.

– Здравствуйте, Фридрих! Не помешала? – спросила она, когда служанка передала трубку полковнику Штоберлю.

– Ну, что вы, Лиза! Вы мне никогда не мешаете. Здравствуйте! – Штоберль, очевидным образом, обрадовался звонку и не счел нужным это скрывать. – Предполагаю, вы сейчас в Гейдельберге. В гости придете?

«Превратности судьбы. А ведь могли стать врагами!»

Впрочем, не стоило обольщаться, друзьями они не стали тоже. Во всяком случае, пока.

– Завтра, – предложила Лиза.

– На завтрак?

– Я встаю рано.

– Я тоже. Семь утра вас устроит?

– Да, спасибо! – приняла приглашение Лиза. – Каша будет?

У Штоберля была отличная кухарка и готовила она практически все, что никогда не подадут в роскошном ресторане.

– Овсянка подойдет? – Штоберль был сама вежливость. – С изюмом и медом. Молоко, белый хлеб... Что-то еще?

– Разумеется! – удивилась Лиза скудости воображения некоторых мужчин. – Сливочное масло, кайса...

– Кайса? – переспросил полковник.

– Курага, – перевела Лиза. – Жирный сыр, яйца и какие-нибудь сдобные булочки.

– Бриоши или творожное печенье? – деловито поинтересовался ничуть не удивленный Штоберль. – Могу предложить также грецкие орехи.

– Остановимся на бриошах, – решила Лиза. – Орехи само собой. И кофе. Много кофе.

– Договорились. В семь утра!

– В семь, – подтвердила Лиза.

– Тогда до встречи!

– До свидания, полковник!

Она положила трубку и, пыхнув сигарой, открыла дверцу правой тумбы письменного стола. В декабре 1931 года, когда Лиза впервые оказалась в этом доме, ее, прежде всего, интересовал научный архив Тюрдеева. Им она тогда и занялась. Документов было много, и все, что не успела прочесть в немногие дни перед возвращением в Шлиссельбург, Лиза прихватила с собой. Собственно, она забрала домой практически весь архив Кассио Морамарко и Леонтия Тюрдеева и вдумчиво изучала его затем, вплоть до начала войны. Однако ни до чего, кроме архива, руки тогда так и не дошли. Лиза не добралась даже до личных бумаг Леонтия, не говоря уже о прочем. Оттого и о завещании доктора она впервые узнала от Штоберля, хотя в доме наверняка хранилась копия этого важного документа. И вот теперь настала очередь правой тумбы стола.

За украшенной инкрустациями дверцей, как и следовало ожидать, находились три выдвижных ящика.

«Ну что ж! Когда-то этим все равно следовало заняться!»

Лиза начала с нижнего ящика, и оказалось, что здесь находится настоящее сокровище. В ящике лежали папки и альбомы с личными фотографиями Леонтия Тюрдеева, которые Лизе были совершенно не интересны, кроме одной. Той, в которой находились ее собственные фото. Фотографии Елизаветы Браге, ее немногочисленные письма, адресованные «моему Лёве», открытки с видами тех мест, где они бывали вместе – Флоренция, Падуя, Венеция, Авиньон, – их общие фотографии...

«Он сказал, мы познакомились во Флоренции...»

В пору галантных ухаживаний на борту «Звезды Севера» Тюрдеев действительно рассказал Лизе – правда, без подробностей, – что познакомились они в 1928 году во Флоренции. Нынешняя Лиза ничего этого, разумеется, не помнила, ведь это случилось не с ней, а с совершенно другой женщиной. Однако сейчас, рассматривая немногочисленные фотографии и открытки, связанные с той осенью, Лиза неожиданно вспомнила – как часто случалось с ней в последнее время – то, чего не могла знать, не то что помнить.

Она шла вдоль галереи Уфици в сторону площади Синьории. В колоннадах стояли или медленно прохаживались немногочисленные туристы. Было тепло, но не жарко, и навстречу Лизе шел высокий мужчина со светло-русой бородой и длинными, чуть выющимися волосами до плеч. Лиза отметила тонкость, пожалуй, даже изысканность черт его лица, ширину груди, обратила внимание на узкие кисти рук с длинными пальцами пианиста и вдруг поняла, что мужчина смотрит прямо на нее, и не абы как, а с известным мужским интересом. И ей это понравилось, как понравился и сам мужчина. Потом она подумала, что незнакомец похож скорее на немца или поляка, чем на итальянца, но в следующую секунду он обратился к ней все-таки по-итальянски. А еще потом – когда выяснилось, что ни итальянского, ни фриульского Лиза не понимает – он предложил ей на выбор немецкий, франкский и русский языки, и они, наконец, познакомились.

«Та осень...»

Вспоминались не слова, а сцены.

Кабачок на берегу Арно, где они с Леонтием пили молодое вино. Масличная роща, библиотека в каком-то старинном палаццо, разгромленная постель в гостиничном номере... И вот еще странность. Едва всплыл в памяти зрительный образ того давнего рассвета – приоткрытое окно, колеблемые ветерком белые тюлевые занавески, смятые шелковые простыни и разбросанные подушки, – как тело откликнулось своими личными воспоминаниями. Как ни странно, оно помнило. Не все и без подробностей, но общее впечатление было однозначно: та ночь прожита не зря.

Тогда он впервые назвал ее Бетой, а она его Левой...

«Ох, Тюрдеев, Тюрдеев! И что тебе не жилось?! Все могло сложиться иначе. Должно было сложиться!»

Лиза убрала папки в ящик, задвинула его. Затем выдвинула снова, достала их с Леонтием папку и отложила в сторону. Теперь это было и ее прошлое, а прошлым не разбрасываются.

* * *

В верхнем ящике лежали личные документы Тюрдеева, в том числе и копия пресловутого завещания, но главное открытие ожидало Лизу в среднем ящике. Оказывается, Тюрдеев писал книгу. Возможно, – и даже скорее всего, – опубликовать ее он не собирался. Однако со свойственной ему методичностью он свел в этой рукописи воедино весь корпус данных, которыми располагал. И не просто изложил доступные ему сведения, но и подверг их научному анализу и перекрестному сопоставлению, выдвигая по ходу дела гипотезы и строя модели. Лиза просматривала рукопись до двух часов ночи, но, разумеется, смогла лишь поверхностно оценить ее содержание. Подробное изучение этой незаконченной книги потребовало бы куда больше времени, чем жалкие три часа, которые потратила на нее Лиза. Тем не менее, отправляясь утром на завтрак к Штоберлю, Лиза куда лучше представляла себе, что и как она должна спросить у полковника. И какие ответы хотела бы получить.

– Знаете, Фридрих, – сказала она полковнику, покончив с завтраком и переходя к большой кружке черного кофе, – а ведь все признаки указывают на то, что я действительно пришла «с той стороны». Почему же вы не поверили Леонтию? Я тут почитала его заметки, у него была весьма стройная теория. Непротиворечивая. И она хорошо объясняет известные вам и мне факты.

– Дошли руки до дневника? Сигару? – полковник сходил к камину и принес хьюмидор из потемневшего дерева.

– Дневник я прочла еще зимой, – Лиза полагала, что лучшая политика честность. В разумных пределах, разумеется, но тем не менее. – Чем угостите?

– Cuesta-Rey вас устроит?

– Честно сказать, не знаю, – пожала плечами Лиза. – В сигарах я не разбираюсь, не то что в кораблях. И еще я нашла рукопись неопубликованной монографии Тюрдеева.

– Он писал книгу? Любопытно! – Штоберль открыл ящик для сигар и, достав одну, протянул ее Лизе. – Берите, Лиза! Плохого не посоветую.

– Спасибо! – Лиза взяла сигару, поднесла к носу, понюхала. – Пахнет хорошо. Гильотинку не одолжите?

– Все, что пожелаете! Вот вам гильотинка, а вот и спички. Хотите, чтобы я за вами поухаживал?

– Было бы замечательно.

– Итак, рукопись, – полковник обрезал сигару Лизы и дал ей прикурить от сигарной спички. – В ней есть что-то новое?

– Скорее, хорошо систематизированное старое, – слукавила Лиза, пыхнув сигарой.

– Тогда вернемся к вам, – кивнул Штоберль. – Я знаю, о каких признаках идет речь...

– Нет, не знаете!

– Хотите признаться, что вы агент сатаны? – улыбнулся Штоберль.

– Хочу сказать, что начала чувствовать пространство.

– А раньше не чувствовали? – полковник раскурил свою сигару и на мгновение окутался ароматным табачным дымом.

– А вот не знаю! – взмахнула Лиза сигарой, оставив в воздухе дымный след. – Может быть, просто не обращала внимания. Однако не исключено, что это совершенно новая способность.

И Лиза начала рассказывать Штоберлю ту часть правды, которую была готова произнести вслух. Она коротко познакомила полковника с мнением врачей – включая сюда и доктора Тюрдеева – по поводу ее «живучести». Описала еще два случая своей «преждевременной смерти»: кому, в которую впала после боя над Виндавой, и отравление смертельной дозой ингиберина. Рассказала о своей выносливости и невероятном обмене веществ. И, наконец, описала «полет верхом на паровозе», когда в первый день войны вела крейсер «Вологда» в тумане над самой водой.

– Что ж, – Штоберль выслушал ее рассказ в молчании и заговорил только тогда, когда замолчала Лиза, – действительно, похоже на то, о чем любил порассуждать наш покойный друг. И еще я вижу, что паранойя Тюрдеева заразительна, но вы, Лиза, не с той стороны. Знаете почему?

– Просветите!

– Видите ли, Лиза, те, о ком говорил Лео, все они неадекватны. Там, практически во всех случаях, душа реципиента боролась с разумом донора. При этом перемещенное сознание, судя по всему, было едва ли не смертельно травмировано встречей с незнакомой реальностью. Они все безумцы, Лиза, а вы нет. От смертельных хворей выздоравливали, это так, но даже самые вменяемые из них казались окружающим не от мира сего. Думаете, Морамарко нашел все известные истории случаи «вселения»?

– Тюрдеев знал о ста одиннадцати переходах...

– А я знаю о девятистах с довеском.

– Сколько, сколько?! – не поверила своим ушам Лиза.

– Девятьсот тринадцать случаев, если быть точным.

В прошлый раз Лизу удивил Тюрдеев, сказав, что знает о ста одиннадцати случаях «подселения». Он как раз собирался Лизу убить, вот и разоткровенничался. Врать ему уж точно не было нужды.

«Но тогда, выходит, он не знал про восемьсот два дополнительных случая! Получается...»

– Получается, вы знали об этом много больше Маромарко и Тюрдеева, но Леонтию об этом ничего не сказали!

– Не сказал, – подтвердил полковник. – Я ему много о чем не рассказал, и что с того?

– А мне почему рассказываете?

– Потому что предполагаю в вас того, кто мне действительно нужен.

– То есть вы...

– Не пытайтесь угадать, Лиза! – остановил ее полковник. – Давайте, прежде всего, условимся. Я вам не враг и вреда не причиню. Но насколько далеко я зайду в своей откровенности, зависит от того, пройдете вы испытание или нет.

– Испытание? – нахмурилась Лиза.

– Ничего, что могло бы вам повредить, – успокоил ее Штоберль.

– В чем заключается это испытание? – продолжала сомневаться Лиза.

– В том, как отреагирует на вас один прибор.

– Прибор? Вы хотите сказать, что существуют приборы, которые...
«Которые что?»

Правду сказать, Лиза даже не могла сформулировать вопрос, так как не знала, о чем именно идет речь.

– Ладно, валяйте! – согласилась она после секундного размышления.

«Хуже-то не будет!»

– Спасибо, Лиза! – на полном серьезе поблагодарил ее полковник, вставая из-за стола. – Надеюсь, мы оба не пожалеем об этой встрече. Подождите меня, пожалуйста, здесь. Я сейчас же принесу прибор и проведу замеры. Много времени это у нас не займет, обещаю! – И полковник поспешно вышел из комнаты.

«Н-да... Любопытный поворот!» – Лиза сделала пару глотков кофе, пыхнула сигарой. Вкус дыма, как и его запах, ей понравился. Что-то такое, что ассоциировалось с осенью, но не с холодом и дождем, а скорее, с красками осени, ее настроением, ароматами и вкусом.

«Хорошо сидим! Или нет?»

Полковник не заставил себя долго ждать. Вернулся в комнату, подошел к столу, поставил на него самшитовый ларец, инкрустированный перламутром и серебром, откинул крышку и бережно достал нечто округлое и массивное.

– Вот, собственно.

Прибор был похож на корабельный бронзовый компас или барометр с тремя резными стрелками, надетыми на общую ось. Судя по цвету, стрелки были сделаны из разных металлов. Делений на застекленном циферблате было много, – сколько всего, сразу и не скажешь, – и все они были отмечены какими-то значками (Лиза подумала, что это буквы), – а иногда и целыми «надписями». Такое у нее сложилось впечатление. Но что это за алфавит, если это все-таки алфавит, и что за язык, – если и это предположение верно, – сказать было сложно. У Лизы на этот счет не возникло даже самой фантастической гипотезы. Впрочем, у нее и образование не профильное. Она пилот – в худшем случае инженер-электрик, – но никак не историк или лингвист.

– Санскрит, – словно прочитав ее мысли, пояснил полковник. – Середина второго тысячелетия до нашей эры, бактрианский кхароштакхи... Между прочим, один из ныне покойных потомков арамейского алфавита. Впрочем, это не по вашей части, не правда ли?

– Хотите сказать, что прибор сделан три тысячи лет назад? – не поверила услышанному Лиза.

– Разумеется, нет! – рассмеялся Штоберль. – Это язык древний, а прибор просто старый. Он создан в первой трети семнадцатого века. Точнее не скажу, просто не знаю.

– Семнадцатый век? Тоже ничего, – признала Лиза.

Для нее это была седая древность, что в том мире, что в этом.

– Согласен с вами, – кивнул полковник. – Приступим?

– А чего тянуть? – пожала плечами Лиза. – Время – деньги! Как-то так.

– Мне нравится ваш прагматизм, капитан! – Штоберль поставил свой «компас» на стол и осторожно сдвинул – один за другим – три крошечных рычажка, выглядывавших из узких прорезей в его основании.

«Стопоры стрелок, по всей видимости, – прикинула Лиза. – Сейчас он их освободил. Но что тогда воздействует на стрелки?»

В следующее мгновение стрелки – как-то сразу – дрогнули и двинулись каждая в свою сторону и в своем темпе. Нижняя двигалась в направлении против часовой стрелки, очень быстро наматывая круг за кругом. Средняя – бежала чуть медленнее, но уже по часовой стрелке, а верхняя двигалась толчками, то вправо, то влево, то и дело замирая на месте, словно колебалась в выборе правильного направления. В конце концов, нижняя и средняя стрелки

замерли, указывая – та и другая – точно на Лизу, а верхняя... Она еще поколебалась немного и, повернув градусов на сорок пять влево, наконец, замерла.

– Ну, и что это должно означать?

Вопрос напрашивался, не так ли?

– Это означает, что вы именно та, с кем стоит продолжать разговор.

– Приступайте, – выдохнула Лиза сигарный дым, – я вся внимание!

– Что ж, – Штоберль вернул стрелки – одну за другой – в исходное положение, каждый раз сдвигая рычажок соответствующего стопора, и спрятал прибор в ларец. – Что ж, Лиза, давайте поговорим. И для начала вернемся к вопросу, который мы обсуждали с вами в прошлое Рождество. Лео Тюрдеев верил, что афаэр – это такой универсальный ключ, открывающий переходы между мирами, реальностями или что там существует на самом деле. Может быть, это вообще рай и ад, но не один рай и не один ад, а много разных.

– Считаете, что они существуют на самом деле? – Лиза определенно знала, что это так и есть, но, разумеется, никому не могла в этом признаться. Она-то в тех мирах побывала лично. В трех, если быть точным. И в двух из них даже жила. В этом вот, и в том, из которого пришла.

– Существуют, – кивнул полковник. – Свидетельств этому опять-таки гораздо больше, чем думал доктор. Однако ему для выводов хватило и того, что он знал. Другое дело, что Тюрдеева свела с ума идея «Ключа». Он думал, что только с помощью афаэра человек способен проникать за барьер.

– А это не так?

– Не так. Афаэр если и имеет какое-то отношение к переходам между мирами, то исключительно символическое, но к этому мы с вами еще вернемся. Только чуть позже.

«Не ключ, а символ ключа? Может быть, и так!»

– Но если не афаэр, тогда как же эти «двери» открываются? – спросила она вслух.

– Хороший вопрос. Но чтобы на него ответить, Лиза, следует прежде всего признать тот факт, что существует два способа преодолеть барьер, отделяющий один мир от другого. Есть нематериальные переходы, через них способен пройти только чистый разум, отринувший, так сказать, оковы плоти. И есть «пути», сквозь которые способны проходить материальные объекты, но открываются они где хотят и когда хотят. То есть совершенно случайным образом. Некоторые считают, что в этом и состоит различие. Первые подчиняются человеческому разуму, а вторые – капризам неизвестных нам природных сил. Зато в отличие от сущностных переходов, вещные «врата» способны пропускать через себя физические тела, что, согласитесь, гораздо удобнее, чем посылать в неизвестность свой разум, не имея возможности вернуть его затем в свое брэнное тело. Однако на самом деле и те, и другие «двери» могут открываться как случайным образом, так и целенаправленно, то есть осознанно. Есть граничные условия. При- знаки. Предвестники. Существуют, в конце концов, прецеденты. Вселение разума в чужое тело практически всегда заканчивается плохо. Это не значит, что вселение произошло случайно, это лишь свидетельство того, что шутки со связями между душой и телом к добру не приводят. С другой стороны, истории известны удачные материальные проникновения. Яруба, судя по всему, пришли в Западную Африку отнюдь не в малом количестве и не с пустыми руками. Вот почему Сокровище Кано представляет особый интерес. В нем могли сохраниться артефакты из иного мира, записи в книгах, изображения...

«Интересно, а лорд Диспенсер тоже об этом знает?»

Впрочем, вопросов было куда больше. Например, разделяет ли англичанин взгляд немца на афаэр?

– Фридрих, а откуда вам все это известно? В архиве Морамарко и Тюрдеева на такие откровения нет даже намека.

– Слышали об иллюминатах? – вопрос отнюдь не застал полковника врасплох. Он к этому, похоже, Лизу и подводил.

– Какое-то тайное общество?

– Можно сказать и так, – согласился Штоберль. – Это оккультно-философский орден, наподобие масонского. Во всяком случае, в качестве такового он известен. Однако в недрах братства иллюминатов скрыта гораздо более древняя организация, целью которой, как вы, верно, уже догадались, и является изучение *«множественных миров и соединяющих их путей»*.

– Значит, иллюминаты.

– Иллюминаты, – подтвердил полковник, – а до них Авиньонское общество, а еще раньше компаньонажи и Басрийские братья. Вероятно, кто-то занимался этим и в античности, но данные утеряны, хотя знание, вполне возможно, перешло по наследству к нам. Ничего не известно о цинцах, но не может быть, чтобы такая древняя цивилизация ничего не знала о вселенцах и путях. Опять же, Индия и доколумбова Америка. Но нас с вами, Лиза, интересует сейчас другое – «Пути». Хотите еще кофе?

– Рассказывайте, не томите! – усмехнулась Лиза. – Еще немного я могу потерпеть и без кофе.

– Как скажете, – пожал плечами полковник. – Мы твердо знаем, что, как вещными, так и ментальными «переходами» могут управлять не только стихии, но и люди. Определенные люди, разумеется. Те, кого мы называем посредниками или медиумами. В конце шестнадцатого века в Венеции маэстро Джироламо Делла Сета нашел способ распознавать две характеристики – ментальную и физиологическую – такого рода людей. Я не хотел бы вдаваться в подробности, но именно на эти признаки реагируют нижняя и средняя стрелки моего прибора.

– То есть вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, Лиза, что вы медиум, и притом медиум невероятно сильный. Обычно синхронизация этих двух показателей требует гораздо больше времени, а в вашем случае мы наблюдали почти мгновенную реакцию прибора. Я нечто в этом роде, признаться, и ожидал увидеть, но предполагать не означает знать наверняка.

– Стоп, стоп, стоп! – подняла Лиза обе руки в останавливающем жесте. – Не так быстро, Фридрих! Я за вами не успеваю, а у меня по ходу дела еще и вопросы возникают.

– Спрашивайте, – предложил Штоберль.

– На что указывает верхняя стрелка? – сразу же взяла быка за рога Лиза, которой не терпелось понять, как в эту концепцию вписывается ее личный опыт. – Где открываются «переходы»? Везде или в определенных местах? Отчего вы решили, что я медиум? И, если я действительно медиум, как открыть этот чертов «переход»?

– Верхняя стрелка указывает на «точку схождения», – объяснил полковник. – Условный термин, разумеется, но суть его в том, что реальности или миры имеют точки схождения, попросту говоря, места, где может возникнуть «переход» или взаимное проникновение. Такую точку, если знать, как искать, можно найти с помощью триангуляции. Одна из них, в частности, находится в этой комнате, на нее и указывает стрелка. Этот дом потому и построили именно на этом месте, что еще в конце восемнадцатого века здесь в Гейдельберге был отмечен ментальный переход, а позже удалось обнаружить и «точку схождения». Это, Лиза, ответ на ваш первый вопрос.

– Значит, только постоянные места? – уточнила Лиза.

– Не только, – возразил Штоберль. – Бывают и случайные, но мы не знаем, могут ли медиумы открывать такие «переходы».

«Похоже, что могут! Я же смогла! Или в излучине Мосеза сошлись сразу три мира?»

Тогда на берегу реки – перед лицом неминуемой гибели – Лиза умудрилась совершить мгновенный переход аж в две реальности подряд. В мир славного спецназовца Федора, с которым провела незабываемую ночь, и в свой собственный мир, где Лизе удалось встретить саму себя.

– Из ваших слов, Фридрих, – сказала она вслух, – следует, что стационарные точки перехода медиумы открывать могут?

– Иногда, – кивнул полковник. – Некоторые медиумы. При определенных условиях.

– И как они это делают?

– Интуитивно.

– То есть вы не знаете?

– Не знаю, – признал Штоберль, – потому что медиумы не способны объяснить, как они это делают. Говорят, само собой получается.

– Тогда давайте перейдем ко мне, – предложила Лиза. – С чего вы взяли, что я медиум?

– Вы очень ловко обходитесь с пространством, Лиза. Я обратил на это внимание, обдумывая ваши приключения в Африке. А потом вспомнил про теорию Тюрдеева, и все встало на свои места. Феномен воскрешения известен не только в применении к «вселенцам», о которых рассказывал вам Лео. Среди известных медиумов тоже было несколько людей, неожиданно выздоровевших от неизлечимой болезни или выживших после смертельного ранения. И способность ощущать точки схождения появилась у них как раз после «возвращения». Я просто не сразу об этом вспомнил.

– Я понимаю, к чему вы клоните, Фридрих, но слово офицера – я ничего особого в этой комнате не чувствую. Абсолютно ничего.

– Ну и что?

– Что значит «ну и что»?

– Возможно, сегодня не ваш день, Лиза, – пожал плечами Штоберль. – Может быть, недостаточна интенсивность схождения. Привходящих факторов великое множество, все не учесть. Но вот подумайте, Лиза, это нормально перейти со штурмовика на крейсер? Это часто случается?

– Случается, – поморщилась Лиза, вспомнив, как чувствует пространство, когда пилотирует тяжелый корабль, габариты которого ни разу не сопоставимы с габаритами штурмовика. – А что, медиумы и обычное пространство воспринимают по-другому?

– Именно! – почти радостно улыбнулся полковник. – Именно так. К этому я вас, собственно, и подвожу. Не знаю, когда, и не знаю, как, но вы, Лиза, начнете открывать эти «переходы». Это случится, и никакой афаэр вам для этого не надобен, точно так же, как не поможет он тому, кто не имеет ваших способностей. Я, собственно, поэтому и предлагаю вам дружбу. Вы ценный союзник!

«Да и вы, Фридрих, неплохо справляетесь! Седжвика, можно сказать, мне на блюдечке поднесли!»

– Кстати, Лиза, вы читали вечерние газеты?

– Нет, а что там?

– В Лондоне убит майор Седжвик. Пишут, что нападение осуществили две женщины, рассмотреть которых свидетели происшествия, к сожалению, не смогли...

* * *

В Роттердаме шел дождь, и пока Лиза добиралась до «Звезды Севера», промокла до костей.

– Так друзей не встречают! – сказала она Райту, ожидавшему ее у основания причальной башни.

– И не говори! – радостно хохотнул Иан. – Чистое паскудство!

– Но нет худа без добра! – констатировал шкипер, обняв и расцеловав Лизу. – Ты ведь все равно промокла, так что пошли, я тебе такое покажу, закачаешься!

Говорили они по-русски, как всегда, когда оказывались наедине. Райт хоть и техасец, но мать у него из Русской Америки, так что оба языка – русский и английский – для него родные. На самом деле даже три, но Лиза по-испански не говорила и оценить мастерство Иана не могла.

– Идем, идем! – позвал ее Райт.

– Да иду уже! Иду! На что смотреть-то?

– Как на что?! – почти искренно возмутился шкипер. – На бриг смотри, и будет тебе, Лиза, полное счастье!

Лиза посмотрела вверх и увидела такое, от чего забыла даже про дождь. На днище «Звезды Севера» появились два продольных стальных стрингера, расположенных параллельно друг другу, словно полозья гигантских санок.

– Я правильно понимаю, – обернулась она к Райту, – теперь «Звезду» можно сажать на пузо, не опасаясь повредить набор?

– Мы там еще гидравлические опоры в параллель выставили, – улыбнулся шкипер. – Двенадцать штук с каждой стороны. Маловато, конечно, но при вертикальном приземлении будут не лишними, как считаешь?

– Сам придумал, или кто подсказал?

– Рейчел придумала. Возможность посадки на брюхо в нашем деле, как выяснилось, лишней не будет.

– Проставился или зажал? – поинтересовалась Лиза, продолжая изучать днище брига.

– Заплатил, – ухмыльнулся Райт. – А проставлюсь я сегодня вечером. Ты же понимаешь, Лиза, командир на борту, и все такое! Без банкета не обойтись, и вообще!

– Особенно мне нравится твое «вообще», – покачала головой Лиза. – А что там, кстати, за балконы на корме?

– Казематы пришлось расширить, сотки в старые никак не помещаются.

– Райт, – удивилась Лиза, – ты что, поставил на бриг тяжелую артиллерию?

– Четыре венецианских сотки! – похвастался Райт. – Две на корме и две спереди. Жизнь научила и паршивый африканский опыт. Я и толкового артиллерийского офицера в Техасе нашел. На «Звезде Севера», как ты понимаешь, нужны не одни только себерские пластуны!

– Ну, ты меня удивил! – призналась Лиза.

– То ли еще будет! – похвастался Райт. – Ну что, поднимемся на борт или как?

– С построением? – насторожилась Лиза.

– А как же! Ты же сама мне тогда, во Фритауне, сказала, что или «командир на борту», или кайки. Я выбрал тебя. Соответствуй!

– Ладно! – махнула рукой Лиза. – Семь бед – один ответ. Свистать всех наверх! Командир на борту!

– Командир на борту! – заорал Райт в шахту лифта, едва они подошли к причальной башне. – Общее построение!

– Ну ты и садист! – покачала головой Лиза. – Выгнать команду под дождь в мирное время, это надо уметь!

– Ошибаешься! – возразил Райт, ступая на платформу подъемника. – Это не я их выгнал под дождь, а ты! Ты командир, тебе и отвечать!

– Ну, мне так мне, – пожала плечами Лиза.

«Сейчас бы в зеркало посмотреться! Выгляжу, наверное, как мокрая курица!»

Она поправила отяжелевший от воды китель, проверила на ощупь, как сидит на мокрых волосах мокрая же – хоть выжимай – фуражка, и, выйдя из башни, перешла по сходням на борт «Звезды Севера». И сразу же раздалось привычное «Командир на борту». Переливчато пропели боцманские дудки, застучали по стальному настилу палубы башмаки бегущих людей, и, когда, обойдя левую надстройку, Лиза вышла на взлетную палубу, там уже спешно строился готовый приветствовать ее экипаж.

«Что ж, дисциплину Иан явно подтянул!»

Однако Лиза не забывала, что «Звезда Севера» все-таки не военный корабль, и, следовательно, «хорошенького понемножку»!

– Здравствуйте, друзья! – крикнула она, поднимая в руке сдернутую с головы фуражку. – Рада вас всех видеть! С кем не знакома, познакомимся. Я командир корабля Елизавета Браге.

Как ни странно, ответили ей дружным «ура», что было весьма неожиданно, но и приятно, чего уж там!

– Вольно! – крикнула Лиза. – И не стойте под дождем, люди! Простудитесь! Разойтись!

Два раза повторять не пришлось. Едва успела дать отмашку, как люди стали поспешно расходиться.

– Пойдем, Лиза, познакомлю с новыми персонажами! – позвал Райт. – У нас пополнение случилось ввиду убыли, и вообще.

– Особенно мне нравится твое «вообще»! – вздохнула Лиза, повторив свою же собственную фразу, сказанную всего лишь несколько минут назад: – Пошли, чего там!

На самом деле ни с кем Лиза знакомиться не хотела. Хотела она совсем другого: принять горячий душ, переодеться в сухое и выпить чего-нибудь, что хорошо горит.

Между тем, прогулявшись под не ослабевающим дождем, они вошли под широкий козырек над входом в надстройку. Там, покуривая и переговариваясь между собой, их с Райтом ожидали офицеры «Звезды Севера».

– Ну, этих ты всех знаешь! – махнул Райт рукой на стоящих отдельно «ветеранов» африканского похода.

– С этим, полагаю, тоже знакома! – кивнул Райт на шагнувшего к ним Рощина.

– Здравствуйте, Вадим! – улыбнулась Лиза. – Давно не виделись, как там дома?

Понятное дело, что их партизанский рейд на территорию Великобритании должен был оставаться в секрете ото всех.

– Да вроде бы все в порядке, капитан! – вернул улыбку полковник. – Рад встретить вас снова!

– А это наш новый доктор! – продолжал между тем представление Райт.

С некоторых пор корабельные лекари внушали ей подозрение одним фактом своего существования. И неспроста. Предшественник нового доктора хотел Лизу пристрелить. То, что у него ничего не вышло, а семизарядный «Горбатов» стал Лизиним трофеем, ни о чем не говорит. Попытался, но не смог, однако попытка засчитана. Ножом по горлу.

Лиза повернулась. Перед ней стоял мужчина средних лет, невысокий, крепкого сложения, с седыми висками и внимательными темными глазами за стеклами очков в роговой оправе.

– Дейв Аллен, капитан! – представился доктор, протягивая руку. – Рад знакомству!

«Аллен? Серьезно?»

– Взаимно! – Лиза пожала руку доктора Аллена и завершила поворот.

– Моя жена, Нина! – представил Дейв Аллен стоявшую рядом с ним женщину, затянутую в облегающий кожаный комбинезон.

– Упс! – сказала Нина Аллен, встретившись с Лизой взглядом. – Я... – И она начала стремительно краснеть.

– Прошу прощения, мисс Аллен, – пришла ей на помощь Лиза, – дождь шумит. Я не расслышала, что вы сказали?

– Я сказала, что рада знакомству, капитан! – взяла себя в руки маленькая женщина. – Разрешите представиться, пилот легких машин Нина Аллен!

– Приветствую вас на борту, пилот! – пожала ей руку Лиза, и представление продолжилось.

Райт не соврал, в экипаже «Звезды Севера» появилось много новых лиц.

* * *

В конце концов, она добралась до своей каюты. Не сразу. Не так быстро, как хотелось бы, но пришла. Закрыла за собой дверь и первым делом рванула, оставляя за собой мокрые следы, к резному поставцу. Схватила не глядя что под руку попало, некрупное, удобно лежащее в ладони. Скрутила металлическую крышечку, перевернула над стаканом, набулькала на треть и выпила залпом, что называется, одним глотком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.